

ПРОЩАЙ ДРУГИМ И ТЕБЕ ПРОСТИТСЯ

2007 год

3 января

Утром позвонила Наташа Адрианова – получила книгу из типографии («Обретенные тетради»). Договорились, что я заеду. Так и сделал. Сначала побывал на улице Мина в «Дятловых горах» (последние штрихи в верстке «В-18»), а уж потом зашел к Адриановой. Сидели в комнате Юрия Андреевича, пили чай. Наташа рассказала о письме Распутина, и что отослала Валентину Григорьевичу книгу воспоминаний об Адрианове. Сборник стихов издан хорошо, и ведь все она сделала на свои деньги, заняла у родственников. Для противного лагеря это поражение. Рябов хотел выкупить весь тираж, но Наташа не согласилась. Теперь в скором времени планирует провести презентацию книги (уже раздала около ста экземпляров) и затем выпустить сборник переписки Юрия Андреевича с друзьями и литераторами.

Комната все более становится похожа на мемориальную. Прежний жилой дух из нее постепенно уходит. Наверное, это хорошо, правильно. И елка украшена редкими, старыми елочными игрушками. От их вида легонько щемит в сердце.

9 января

Пришло поздравление от Виктора Потанина из Кургана на красивой Рождественской открытке – с праздниками и премией. Добрые слова написал о журнале, чем порадовал меня и взбодрил.

В типографии окончательно подписал в печать «Вертикаль». Преловский пообещал все сделать быстро, к восемнадцатому числу. Позвонил и сообщил об этом Шестинскому. Он же сказал, что вышел журнал «Слово», где есть и мой рассказ «Искушение». Ларионов привез номер Олегу Николаевичу еще третьего числа. Будем ждать почту. Шестинский чувствует себя плохо, ходит с трудом, задыхается. Возможно, опять ляжет в больницу.

10 января

В музее Радиолоборатории Поповские чтения. Информационно любопытно. Хорош рассказ о первых годах Нижегородского ЧК Шарова. Но в целом все та же, как и ранее, беда – поиск решения исправления ситуации вне духовного поля. По мне же, без исправления ситуации в сфере духа России своих проблем (СПИД, наркомания, алкоголизм, здоровье, преступность, падение производства, воровство олигархов, коррупция чиновников...) не решить.

Вечером два звонка – оба неожиданных. Юра Марахтанов (очень нетрезвый) узнавал о своих рассказах. Сказал прямо – они мне не понравились.

Альбертина Кессель – предлагает включиться по работе (организационной) над мемориальной доской Адрианову. Письмо В.П. Шанцеву Шамшурин отнес. Надо выяснить насчет денег. Найти «концы» этого письма. Интересная деталь. Она предложила Шамшурину (как вариант) выбить на доске строчки из стихотворения Юрия Андреевича «Эпилог XX века»:

Бессмертны и честь, и отвага,

А Родина – выше всего!

Валерий воспротивился – «Это Майн Камф» какой-то».

Удивительно, почему все, что связано с преданностью Родине, России, вызывает у него такое раздражение и протест?

12 января

В Центральной городской библиотеке поэтический Рождественский вечер. Ведет Борис Селезнев. Из серьезных поэтов никого, но зал полон. Неожиданно хорошее выступление подготовила сотрудница библиотеки по теме воскресения в художественной литературе. Один тезис – кто не испытал в себе воскресения, тот никогда этого (то есть православных догматов) не поймет – очень точен. Закончил вечер долгим своим словом-проповедью В. Цветков. Говорил хорошо, но уж слишком много назидательности, напора. После всего опять тяжелый (духовно опустошающий) разговор с Валерием Валентиновичем Фирсовым.

П.П. Шаров просит написать предисловие к его книге «Мозаика жизни заурядного человека». Селезнев явно скалтурил. Встретились у Дома книги. Ходили под дождем, спорили об истории, вере... Позвонил и пришел к подъезду Саша Высоцкий. Принес рукопись подборки стихов. Пьян.

Звонок Лены Крюковой: «Надо встретиться».

13 января

Набирает обороты работа над мемориальной доской Юрию Андреевичу Адрианову. Вчера выяснил в областном комитете, что деньги выделены и перечислены в Союз художников. Сегодня звонок Наташи. У нее был наш художник Ким Иванович Шихов и скульптор. По поводу надписи я предложил встретиться и обсудить коллективно на нейтральной территории (не в Союзе писателей) – например, в музее Горького.

15 января

Пашков устроил в театре Комедии замечательный поэтический вечер, где стихи классиков читали артисты нижегородских театров, а свои Жильцов и Эрастов. Атмосфера встречи теплая, заинтересованная. Пообщался с В.В. Никитиным, Л.С. Беловым, Н. Прибутковской, Г.С. Демуровым...

Перед этим звонил Шестинскому. Хандрит и физически плохо себя чувствует. Хотел прогуляться по улице, но вернулся – задыхается.

17 января

Вчера по сотовому меня разыскал В.П. Полеванов. Ждет журнал, хочет его посмотреть до 29-го числа, перед своей поездкой куда-то. А сегодня дважды звонок Наташи Адриановой. Перед завтрашним обсуждением надписи на мемориальной доске сообщила новость – Цирульников, Кессель и другие против надписи «русский поэт». Требуют «русский поэт». Наташа предупредила: «Мы остались вдвоем». Я спросил: «Какие аргументы против «русского поэта?»» «Утверждают, что теперь так не принято писать и говорить, такого словосочетания не используют».

Звонок Александра Пашкова – Владимир Жильцов ему сообщил, что сегодня они с Шамшуриным и Рябовым договорились, что Володя будет председателем нашего Союза писателей. В правление войдут Цирульников, Чуянов, они, Прилепин.

В дополнение всего пришли стихи от Шестинского, которые Алексей Маркович напрочь раскритиковал. Я вроде бы в чем-то с ним и согласился, а когда перечитал, то вновь душой на них откликнулся. Я понимаю состояние Олега Николаевича, что он хотел сказать. Он жаждет умиротворения, успокоения и обращается к вопросам вечным.

Днем в музей заходил Валентин Арсеньевич Николаев. По моей просьбе рассказал историю создания рассказа «Солнышко всем» – от отзывов Игоря Дедкова и Виктора Астафьева до публикации его в «Ленинской смене» Пашковым. Я попросил наконец-то показать рассказ мне (скоро тридцать лет,

как о нем слышу, но ни в одном журнале, ни в одной книге он так и не был напечатан) – обещал.

18 января

В 15.00 встреча в Литературном музее комиссии по литературному наследию Ю.А. Адрианова: Наталья, я, Шамшурин, Цирульников, Рябов, Фигарев. Наташа настроена категорично. Предложенный ею текст принимается единодушно с маленькой редакционной правкой (убрали слова «выдающийся» и «писатель»). Цирульников робко попытался возразить против словосочетания «русский поэт», но это не прошло. Я вздохнул с облегчением. С заседания этого шел, как с праздника. Теперь Юрию Андреевичу будет достойная мемориальная доска на доме, где он жил. (Ведь половину ночи перед этим не спал, терзался, а они побоялись вступить в спор, все разговоры «против» остались за кулисами). Но дрогнул мы – и у них все бы получилось.

В 16.00 в Союзе Правление. Повестка дня – предстоящее собрание. Шамшурин уходит. Вместо него предлагается Жильцов. Валерием был поднят вопрос и о моей кандидатуре. Я сразу отказался, да и все высказались против (в чем я и до этого был уверен).

– Но этот вопрос может быть поднят на собрании, – забеспокоился Шамшурин.

– Не будет, – успокоил его я.

20 января

В Союзе выборы. В общем-то прошло все спокойно, хотя выступлений (и всяких – Валентин Николаев, обращаясь к Шамшурину, просто ругался) было много. Даже я не выдержал, сказал свое слово.

После застолья шли с Николаевым. У нас с ним это давно вошло в традицию – мнением от увиденного и услышанного обменяться.

В перерыве заседания взял «Земляков», где есть и мои публикации. Может быть, зря я их туда дал – прощальное слово с Вячеславом Михайловичем Клыковым (Шамшурин дал тексту свое название – «Завещание» и

статья «Возможен ли бунт в современной России» (заголовок в альманахе «Не бесмысленный, но беспощадный»)?

22 января

В типографии получил «В-18». Опять есть брак – непропечатанные страницы. И фотографии слишком черны, плохо различимы. Позвонил Кожину, Кононенко, Полеванову. Придется везти в Москву журналы такими, какие есть.

24 января. Москва

Приехал на утреннем поезде. В гостинице «Мотор Сич» устроился удачно, но и огорчился – Кононенко уехал. Журналы для него оставил у секретаря. С Полевановым повстречались в офисе Владимира Павловича. Журналом (фотографиями в нем) он остался доволен. Записали на диктофон часовую беседу. Любопытную. Хотя до главного – Китая, золота, большой политики, природных катаклизмов – дойти не успели. Решили, что договорим потом. Эту запись надо будет расшифровать. Думаю, что и этот разговор породит новые вопросы.

В «Советский писатель» пошел пешком. Понимал, что это не должно быть далеко. Но не ожидал, что офис так близко от Красной площади. По Пятницкой вышел к мосту через реку. Далее, обойдя Кремль, мимо библиотеки Ленина вышел на Новый Арбат. Вот и все. Ларионов оказался у себя. Накормил обедом, выдал гонорар и журналы с публикацией «Искушения». Был грустен и малоразговорчив. Но все свои вопросы на будущее я с ним обговорил.

Теперь в «Форте-клуб». До юбилея Михаила Ивановича Ножкина, который устраивает Клуб Н.И. Рыжкова, пришлось с час бродить по Тверской. Благо, погода сухая (подморозило) и безветренная.

Сам юбилей оказался довольно домашним. Перед началом Ножкин подошел ко мне. Мы обнялись. Я его поздравил и от писателей, и от геологов. Еще раздал «В-18» некоторым. За столом сидел с директором

НИИХИММАШ (предприятие, изготовившее все наши космические ракеты) А.А. Макаровым.

25.01. В Москве холодно, метель. Узнал у соседа по номеру, что Петр Иванович будет только на следующей неделе. Надо уезжать. Хорошо, что билеты в кассах были. Купил без проблем. Потом поехал в Союз. Там никого (с Ганичевым виделись вчера на юбилее) – один Геннадий Иванов. Какой же мертвечиной там от всего веет. Оставил письмо нашего собрания (слезное), касающееся особняка, и парочку «Земляков». Что же, план поездки полностью выполнил... кроме главного.

28–29 января

Был у меня Борис Лукин. Утром встретил его с поезда на вокзале. Вместе ходили на службу в собор Александра Невского. Поднялись к отреставрированному храму Сергия Радонежского. Убранство богато – роспись везде, позолота, мраморный пол. А уж потом отправились к Володе Заногге смотреть последние работы. Просидели в мастерской до вечера. С площади Минина домой шли пешком. Мороз стойко установился за минус десять градусов. По Волге плыли большие ледяные поля. Черная вода и белый, заснеженный лед.

29.01. Борис весь день занимался подготовкой макета своей книжки в «Дятловых горах». Я у себя в «Волгагеологии» дорасшифровал с диктофона запись беседы с Полевановым. Потом опять вернулся в Союз. Метель. В городе сплошные пробки. Заседание Правления вел Жильцов. Ясно, что в нашей работе надо что-то менять, но никто не знает, что и как. Меня и Захара Прилепина Володя предложил в замы. Борис с нами просидел на правлении – стойко!

9 февраля

Разнес журнал по библиотекам. Побывал и у Н.И. Лещевой в комитете по культуре.

Вечером в Областной библиотеке пятилетие издательства «Книги». Вел Сергей Чуянов. Олег Рябов на сцене за столом. По-

здравления чередовались с музыкальными и вокальными номерами. Все любопытно и неутомительно. Потом еще немного поговорили с Эдуардом Чапраком, подарил ему «В-18». Стол хорош, как и обычно на торжествах у Олега. Получилась местная творческая тусовка. После ужина захотелось пройтись пешком. Так через мост и прошел до дома.

Испортил вечер немного Михаил Веселицкий, представивший опять свое театрально-сексуальное представление, как он уверил, по Сергею Довлатову. Чапрак по этому поводу высказал мне недоумение:

– Надо же понимать где, перед кем и что показывать...

Уже поздно вечером позвонил дедушка – умерла Валя (в Доскине). А я с ней несколько дней назад разговаривал по телефону, торговалась со мной насчет продажи фарфоровой ванны. В обычную она не умещалась – слишком полная.

12 февраля

Звонил Кононенко – он на Украине; Шестинским – Олег Николаевич в больнице (чувствует себя неважно, капризничает); в Питер – оказывается, у Виталия сегодня 50-летие. Вот так все вперемежку и все не радостно.

14–15 февраля. Москва

На этот раз поездка получилась спокойной. Все, что намечал, выполнил. Немного решил вопрос с Кононенко. Вечером в Индийском посольстве провели вечер русские поэты – Ананичев и еще одна женщина. Читали хорошие стихи. Что-то исполнялось под музыку. У Ананичева хорошие тексты, но исполняет он их не по-бардовски, а по-эстрадному. От этого поэзия отчасти теряется. В окончании вечера скромный фуршет с непонятными индийскими, очень специфическими закусками.

Перед тем, как идти в посольство, заехал к Лукину в «Литературную газету». Там встретился с Яковлевым. Саша прочитал мою заметку о его книге. Удивился, какие я нашел параллели.

15.02. Получив необходимое от Кононенко, из гостилицы созвонился с Кодиным и поехал к нему в Университет, повез журналы. При встрече Михаил Иванович напомнил, что нужно прислать мои материалы о Клубе для книги, посвященной юбилею. До него осталось совсем немного – два полноценных заседания.

После обеда время до поезда еще оставалось, заехал на улицу Поварскую к Ларионову. Хотел забрать только диск с фотографиями, но Арсений Васильевич меня ждал, усадил за стол. Встреча получилась душевной и откровенной. Ларионов сказал, что относится ко мне более чем дружески. «Читаю потихонечку вашу книгу. Вы по образованию инженер?» «Нет, экономист». «Ну, это все равно. У вас мысль в произведениях выстраивается, конструируется». Думаю, это точная оценка, хотя сам я так еще не думал. Но теперь склонен с таким выводом согласиться.

До Курского вокзала ехал на «Волге» Арсения Васильевича. Дороги забыты, но по Садовому кольцу совсем близко – к поезду успел загодя.

16 февраля

День встречи. С Коломийцем договорились, что я начинаю подготовку его большой книги поэзии и прозы. Тут же связался с Геней Щегловым.

Борис Селезнев пришел забрать подборку стихов Владимира Корнилова из Братска, которую я вместе со своим вступлением подготовил для «Арины». Проговорили долго. Рассказал ему о своей идее сделать специальный всероссийский поэтический выпуск «Вертикали». Тогда же позвонили от Рагима, спросили о дне моего рождения. Потом и сам Рагим взял трубку. Журнал мой он читает. Приглашает с семьей в гости в Дербент.

После обеда пришел Евгений Иванович Галкин. В наших беседах он все больше раскрывается. Так, на тему еврейства (став сразу серьезным и категоричным) жестко заявил – они умнее нас. (Я тут же подобные слова вспомнил, услышанные от Жильцова).

В его воспоминаниях о встречах с Адриановым нет теплоты, сочувствия, но много цинизма. Потому он и не понимает сути произошедшего между ними разрыва. А ведь Юрий Андреевич чувствовал именно это. Потому и обида накапливалась, несмотря на огромное количество перепитой совместно водки и какие-то денежные подачки.

20 февраля

Еще вчера неожиданно позвонил на сотовый Валерий Базунов. Мы с ним не общались со времен моего сотрудничества с «Горьковским рабочим». Последние годы, больше десяти лет, он возглавлял нижегородский выпуск «Из рук в руки». Попросил о встрече. Сегодня повидались. Базунов ушел из рекламы и хочет нормального творческого общения. Думал об истории России, ее пути. Что-то пишет. Мы повспоминали прошлое, обменялись взглядами по поводу сегодняшнего времени. Подарил ему «В-18» и пригласил к сотрудничеству. Посетовал, что такого как у него опыта в бизнес-издательском деле «Вертикали» не хватает, чтобы стабильно выходить.

Расстались оба воодушевленные произошедшим разговором. Базунов попросил – если у меня будут встречаться писатели, то на это общение приглашать и его.

Следом пришел Владимир Цветков с идеей создать ассоциацию независимых писателей. У меня по этому поводу серьезные сомнения (хотя в целом я идею одобрил) – с кем создавать? Ведь нужны не болтуны, а деятели.

22 февраля

В Союзе писателей приехавший из Москвы Юрий Уваров вручил общественные ордена Киму Шихову и Валерию Шамшурину. Но главное – Вячеслав Широков представил свой концерт на стихи Владимира Миронова. Видно, что он влюблен в его поэзию. Но к исполнению (к тем акцентам, которые Широков расставил, исполняя стихи и песни на стихи Миронова) у меня есть претензии.

Много натяжек, пафоса, театрального надрыва. Но то, что он создал композицию на стихи поэта – замечательно.

Вечером – застолье в кафе, в подвале у Союза. Камерное, доброжелательное. Нас человек десять. Богатый стол. Устроил все Уваров.

После концертного выступления Широкова я переговорил с Олегом Рябовым о специальном выпуске поэтического номера «Вертикали». Он на это откликнулся горячо. Сказал, что деньги найдет. Хотя, я думаю (уже дома, после застолья), что обманет.

23 февраля

Позвонил Валерий Александрович Базунов. Прочитал «Вертикаль». Оценки самые высокие. Хочет встретиться по поводу каких-то конкретных предложений. «Вы делаете великое дело». Неужели может появиться единомышленник-менеджер? Даже боюсь в это поверить.

26 февраля

Позвонил в Переделкино Шестинскому. Олег Николаевич бодр, больница пошла ему на пользу. Теперь гуляет по большой улице. Благо, погода стоит замечательная – солнечная, снежная и немного морозная.

Олег Николаевич продолжил традицию прогулок по этой улице после Андрея Вознесенского – своего соседа по переделкинским дачам. Раньше, изредка они встречались на этих прогулках, здоровались. Теперь Вознесенский на подобные прогулки не выходит.

Статья Олега Николаевича обо мне в «Патриоте» вышла. А вот в «Слове» моей публикации нет. Оттого я немного огорчился. Мой материал отложили, видимо, потому, что в номере много Шестинского – рассказы, рецензия. В больнице Олег Николаевич написал новую поэму. Возлагает на нее надежды, как на некое новое свое слово. Обещал прислать для прочтения.

27 февраля

В Центральной библиотеке Ленинского района десятилетие «Светелки». Опять все

безалаберно, низко профессионально. Застолье в дешевом кафе. Жаль загубленного дня. Сколько раз обещал себе прекратить все это. Но поддался на уговоры.

1 марта

Позвонил Покровский. Деньги на сборник «Русское» городской комитет по культуре дает. Хочет срочно встретиться. Договариваемся, что в «Перекрестке». Выяснилась одна неприятная деталь – он против того, чтобы это выходило под «Вертикалью». Начинаются игры амбиций. Как противно. Но я все-таки взялся довести это дело до ума. Подготовил письмо от Союза писателей в поддержку книги и отзыв о рукописи от Жильцова. Подписал у Владимира.

В 11.30 в Союзе журналистов Захар Прилепин рассказывал о встрече с В.В. Путиным молодых писателей. Общее мое впечатление – конечно, от этой власти ждать решений в социальной и культурной сферах нечего. Она цинична и жестока по отношению к людям.

В 18.00 закрытие театрального фестиваля имени народного артиста СССР Евгения Евстигнеева в Комедии. Мне показалось, что все очень убого. Из-за отсутствия денег? Видимо, этот конкурс начинает затухать.

4–7 марта. Москва

В гостиницу «Измайловская» приехали вечером. На следующее утро с Алексеем Марковичем пришлось ехать в Союз за приглашенными билетами на Всемирный Русский Народный Собор. Оттуда пешком прошли до Храма Христа Спасителя.

Сразу скажу – во всех выступлениях на Соборе не хватало радикализма. Ситуация с бедностью в стране ужасающая. Потому необходимо власти в лицо бросить не упреки, а самые жесткие обвинения. Этого не было.

На Всемирном Русском Народном Соборе был только один министр – Соколов (культура). Вот тебе вся всемирность и народность! От законодателей – Слиска (заместитель Председателя Государственной Думы), Торшин (заместитель Председателя Совета

Федерации). От крупного бизнеса – Якунин (ОАО «Российские железные дороги»).

Вступительное слово произнес Ганичев. Сказал свое слово Патриарх. Представитель Президента в Центральном федеральном округе Полтавченко зачитал приветствие от Путина.

О докладе митрополита Кирилла опять будут много шуметь, но мне кажется, это больше пиар, чем желание что-то решить, как-то облегчить участь людей. Хотя им и было констатировано – 20 процентов жителей России существуют на доходы ниже прожиточного минимума; крестьяне бросают земли, уезжают в города, чтобы как-то выжить; в России от 30 до 40 процентов всех ресурсов Земли, и в то же время разрыв в доходах между 10 процентами самых богатых и такого же количества самых бедных достигает (по официальной статистике) 15 раз; нет социальной защищенности, которая существовала в СССР.

После Премьер министр Украины Азаров зачитал приветствие от Януковича.

Соколов – По статистике, представленной ООН, во всем мире население все более и более беднеет. У нас просто катастрофическое положение с оплатой труда в сфере культуры.

Архиепископ Берлинский и Германский Марк (Русская Зарубежная Церковь) – В мае этого года будет подписан акт об объединении Церквей...

Вечер этого дня с Шемшученко провели в «Мотор Сич». Я результативно встретился с Кононенко.

6.03. У метро «Краснопресненское» встретились с Володей. Пленум Союза в ЦДЛ. Мы пришли туда с опозданием. Немного попутали в окрестностях зоопарка – Шемшученко решил провести более короткой дорогой.

Хорошую статью о языке зачитал с трибуны Личутин. Но слишком длинную. Не дали закончить, прервали. Надо будет ее перечитать в «Литературке». В целом от уровня выступлений (а дискуссии вообще не было) впечатление удручающее. Хотя хорошо, что в перерыве со многими повстречался.

Вечером посидели в редакции «Литературной газеты», затем в баре около Красной площади попили пиво с Лукиным и Шемшученко. Владимир читал стихи Бориса и очень их ругал (об этом он говорил мне еще утром). Вечером просто общались, никаких оценок не делали.

Вчера, при расставании Шемшученко сообщил мне новость о провозглашении на собрании (или каком-то форуме) в Воронеже Виталия Розе Царем. Говорит, что у него есть фотографии схождения благодати на Виталия во время этого. Очень хочется на эту тему поговорить с Розе.

7.03. Назад ехали в полной машине. Опять не удержался, поспорил с Алексеем Марковичем по поводу биографии Давида Самойлова. На душе гадкий осадок. Ну, право, как можно говорить, что в советское время его стихи не печатались. Да у Самойлова удачная литературная судьба, биография!

10 марта

Вечером в мастерской у Заноги. Приехал с Сережей Шестаком. Было еще три человека – те, с которыми Владимир путешествовал на яхте по Волге. Занога показывал новую свою большую работу «Макарьевский монастырь», на мой взгляд удачную. Она встает в ряд его работ о Нижегородском Кремле. Внутренним, эмоциональным содержанием они схожи.

13 марта

Позвонил домой Виталию. Сказал ему, что и статью прочитал, и Владимир мне новость об Александре 4-м сообщил. Последовал долгий монолог Розе, в котором не все я понял. Но главное уяснил – все было ему открыто еще десять лет назад. Теперь все должно как-то развиваться. Но как? И все-таки как трудно это событие принять не разумом, а сердцем, угнездить его в нем.

Коломиец на туристической базе «Волгагеологии» (в Киселихе, на берегу Линды) провел Совет директоров Советского района. Позвал туда и меня. Сам представил

«Вертикаль» и попытался «выпросить» на ее издание денег. Но мне кажется, безуспешно. Слушали его равнодушно.

15–16 марта. Москва

В РГСУ Котин проводит Международный круглый стол под эгидой Собора славянских народов Украины, России, Белоруссии. Я приехал с опозданием почти на два часа. Но некоторые любопытные выступления застал. Особенно приведенная статистика по экономике, демографии... Как всегда спокойно и убедительно говорил Сергей Глазьев. Я, к сожалению, почти ничего не записывал. Писать в ближайшие номера «Вертикали», видимо, ничего не буду. Или дам о последних своих поездках какой-то обобщенный материал. Тем более, что в проблематике они перекликаются.

Закончилось все студенческим концертом и обедом.

После некоторых передвижений по Москве поехали с Шемшученко в гостиницу. Для меня места не нашлось. Пришлось звонить Шестинским и «бегом» ехать в Переделкино. На последнюю электричку еле успел – вскочил в крайний вагон, и двери закрылись. Зато, подходя к дому, увидел, что свет горит везде – на первом и втором этажах, на балконе. Это чтобы случаем не заблудился, чтобы видел – ждут.

Встретили радушно. Оказывается, Олег Николаевич с Ларионовым ездили к Бондареву на день рождения (восемьдесят три года) – тоже живет на даче. Рассказал коротко, что там снимало телевидение, потом застолье, за которым Юрий Васильевич лихо пил водку. На мой вопрос, что Бондарев сейчас пишет, кроме «Мгновений», Олег Николаевич ответил – похоже, затеял новый роман.

Улегся я спать «на своем месте», успев еще прочитать рукописи статьи и поэмы Шестинского.

16.03. За завтраком заговорили о рукописях. Олег Николаевич им придает очень большое значение (впрочем, как и всему им написанному в последнее время), я же

каких-то значительных открытий, откровений в них не вижу. Все написано под впечатлением от только что прочитанных воспоминаний о Корниловском «Ледяном походе» (он же Кубанский степной, во главе которого стоял генерал Л.Г. Корнилов, погибший во время этого похода). В общем, еще буду писать о своих впечатлениях письмо Шестинскому. Там постараюсь как-то объективно разобратсья в своих впечатлениях.

Погода чудесная. Сухо, солнце. Потому и в Москве, купив билет на Кировский поезд с Ярославского вокзала, решил прогуляться. Осмотрел памятник на Комсомольской площади первому министру (Российской империи) путей сообщения. Все монументально – мрамор, гранит, чугунные решетки.

От Казанского вокзала пошел в сторону Садового кольца. И тут вспомнил, что стоит съездить в Союз, попытаться забрать газеты «Российский писатель» с моей публикацией о книге Адрианова. Правда, в пятницу там никого не бывает, и все-таки стоит попробовать. Вошел в метро «Красные ворота».

В Союзе получилось все удачно. Газеты взял. Встретился с Геннадием Ивановым, передал ему «В-18» с его публикацией. Обрадовался. Оказывается, отосланные по почте журналы до него не дошли. Сразу же предложил поехать с делегацией писателей в Белгород в мае.

В «Советский писатель» к Арсению Ларионову пошел пешком по старому маршруту по Большой Афанасьевской. Перед этим зашел в магазин «Софрино». Давно собирался, и вот выполнил задуманное. Огромное количество разнообразных икон, утвари, драгоценных наперсных крестов с панагиями. Два этажа, где и облачения, и хоругви – богато, красиво, тихо звучат песнопения из невидимых динамиков.

У Ларионова обедали с Владимиром Вельможинным (главным редактором подмосковной газеты «Щелковчанка») после встречи того со студентами. Наши с ним впечатления об их уровне подготовки и принципах дальнейшей работы совпали. Арсений Василье-

вич вспомнил о моей заметке, о том, что «ее читал весь факультет». Кстати, передал мне копию своего текста о моей книге («Сопровождение нелюбви»), который будет опубликован в журнале «Слово», и тоже копии двух писем, которые мне отослал. Я понял, что последнее письмо к Ларионову от меня его задело. Что ж, я на это рассчитывал, надеялся втянуть его в полемику.

На вокзал пришлось добираться бегом. Вельможин вызвался подвезти, но машины на Новом Арбате не оказалось. Видимо, патруль эвакуировал.

18 марта

Сходил к Наташе Адриановой, отнес газеты. Рассказала, как прошел вечер памяти в Университете. Опять много обид. Но не хочется об этом. К вечеру она получила второй тираж (пятьсот экземпляров) «Обретенных тетрадей». А скоро выйдет книга последних стихов Юрия Андреевича. Я перелистал рукопись ее. Она хранится в отдельной папке. Удивительное чувство испытал, будто вновь с ним повстречался. Ведь отдельные листы я держал в руках при его жизни.

22 марта

На заседании Правления (Жильцов, Чуянов, Рябов, я) Олег впервые сказал правду. Из этого дома Союз выгоняют. На месте нашего особняка будет строиться гостиница. Союзу предоставят другое помещение.

Как и ожидалось – всем правит не Шамшурин, а Рябов. Жильцов выступает чистой марионеткой. Только поддакивает и ждет подачек, которые ему швыряют все реже и реже. Вид у «председателя» жалкий.

Продолжается борьба за мемориальную доску Ю.А. Адрианову. Рябов заявил, что он «остановил ту дурь», имея в виду размещение доски на здании филологического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, где учился поэт. Вечером я звонил Наташе. Та заверила, что все осталось в силе.

У меня складывается такое впечатление, что Олег Рябов «поподлее» и понетерпимее Шамшурина будет.

24 марта

Должен был состояться «марш несогласных», запрещенный властью. Впрочем, это ей, власти, не помешало перепугаться до смерти. Я специально пошел на все это посмотреть. Ничего подобного раньше в городе не происходило. Уже у нас на ярмарке группы милиционеров человек по пять, с противогазными сумками, патрулируют улицы. Те же группы на Канавинском мосту через Оку блокируют пешеходные дорожки. Весь центр города для движения транспорта перекрыт. Всюду ГАИ и все те же милиционеры с противогазами. Ворота в Кремль со всех сторон держат спецвойска в шлемах, наколенниках, бронезилетах... На площади Минина стоят спецавтомобили с видеокамерами на крышах и микрофонами для прослушивания. На Большой Покровской милиция просто кишит. В новостях увидел, что у телецентра стоит бронетранспортер с крупнокалиберным пулеметом. Насколько же наша власть труслива, боится за свою шкуру. Чувствует свою незаконность, неправедность. Ведь всю эту силу нагнали, чтобы разогнать сотню-другую стариков и подростков, вооруженных флагами. Нет, эта власть рухнет, и очень скоро. С подлой трусливой душой долго не живут.

29 марта. Княгинино

Юрий Хромов сагитировал съездить в местный институт на вечер памяти Александра Ивановича Люкина. Принимал ректор. Студенты читали стихи Александра Ивановича (плохо), рассказывали о его жизни (наивно и поверхностно). Но ректор любит поэзию и пытается это же привить студентам, что похвально. Закончился вечер нашими выступлениями – Хромов, Карпенко, Фигарев, я, проректор Сельхозинститута (Нижегородского), тоже пишущий стихи, Ивенин. На обратной дороге много говорили с Карпен-

ко. Он мне нравится своей рассудительностью, цельностью.

30 марта

Отдал Коломийцу читать черновую верстку его книги. Приходила Мария Сухорукова. Принесла свои книги и рукопись воспоминаний о Федоре Сухове – своем муже. Друг о друге мы слышали, но встретились впервые. После ее ухода сразу начал читать воспоминания. Не ахти какие откровения, но что-то в них есть. Надо публиковать.

В 17.00 в школе на Александровском шоссе собрание патриотов из общества «Отчизна». Выступает какой-то иеродьякон (автор книг) по поводу новых паспортов, ИНН, прихода антихриста и так далее. Говорит два часа с упоением (больше я не выдержал, ушел). Народу собралось полный небольшой зал. Преимущественно старушки. Все это жутко папахивает маргинальством. Сказать это прямо пригласившему меня Володе Цветкову не решился – обидел бы. Но бесконечный пафос оратора меня ни в чем не убедил. От элементарного логического построения его концепция неприятия новых паспортов просто рассыпается.

2 апреля

Начали работать с А.И. Юриным над макетом «В-19». В Союзе разговор с Чуяновым (Рябов не приехал) о возможном продвижении журнала на финансирование через Комитет по культуре области. Сергей высказал ряд любопытных идей и предложений по содержанию журнала. Пока все ограничилось этим.

3 апреля

Встретившись с Валерием Шамшуриным в «Дятловых горах» (приносил договор на «Русское» подписать Игорю Преловскому – он так документ и не оформил), завел разговор о журнале. Он вроде бы тоже идею более тесного контакта «Вертикали» с Союзом одобряет. Я предложил Валерию Анатольевичу войти в состав редсовета. Он без колебаний

возгласил. Обговорили (приблизительно) возможные темы сотрудничества.

Тут и Жильцов сообщил, что завтра правление. Что же, вот и подниму вопрос о журнале.

В музей ко мне позвонила, а потом и приехала Сухорукова со своей спутницей Ириной Высоцкой. Сидели в фойе на диване и говорили не менее часа. Очень хвалила мою книжку «Обретение России», даже подарила стихотворение, что мне посвятила по прочтению. Я прочитал воспоминания о Сухове с большим интересом... Не со всеми оценками истории Федора Григорьевича могу согласиться – но и отрицать, что это самостоятельный, выстраданный взгляд, никак не могу. Получил у Марии добро на публикацию. В свою очередь, подписал ей «Сопротивление нелюбви». Книгу она купила у Преловского в издательстве. Вообще, она оставляет впечатление отзывчивого и искреннего человека. Наши оценки духовной жизни во многом схожи, потому и общение получается не тягостным, а радостным.

4 апреля

Долго разговаривали с Шестинским по телефону. Он написал новые статьи, рассказ, который посвятил Валентину Николаеву. Прочитал мне заметку для «Патриота», где отвечает «группе писателей» на призыв о примирении.

В Союзе правление. Текущие вопросы. В разном утвердили мою книгу на премию Нижнего Новгорода и обсудили вопрос по сотрудничеству «Вертикали» и Союза. Группа, координирующая работу – я, Чуянов, Рябов, Шамшурин.

7–8 апреля. Пасха

С Шестаком на Пасхальную службу пошли в Собор Александра Невского. Там все дороги, дворы, территории заставлены машинами. У паперти светят телевизионные камеры. Народ валом валит с Крестного хода. В сам собор не пройти – центральные двери закрыты. (Потом от Селезнева узнал, что были открыты боковые). Я подумав, что и

в храме политико-административная тусовка (решили отгородиться от народа) в раздражении ушел в Староярмарочный собор. Там намного свободнее, хотя храм заполнен людьми. Много молодых парней. Крестятся истово, с верой. Как это радостно. Хотят быть причастными к истории и вере своей страны.

Выйдя из собора, еще долго ходили с Сергеем около нашего дома и по бульвару. Ночь холодная, но праздник во всем. Люди радостные, горит свет в окнах домов. В этот раз много говорили о литературе.

9 апреля

Прежде чем продолжать этот дневник, несколько дней думал – стоит ли? Есть ли смысл в констатации каких-то фактов личной биографии без анализа, дополнительных размышлений по поводу их? И все-таки решил продолжить. Пусть это будет деловой дневник, по которому, если в том возникнет нужда, я смогу восстановить в памяти даты, события и людей, принимавших в них участие.

Первые несколько записей внесу задним числом.

Потрясающий концерт оркестра Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева прослушал в нашей филармонии. Зал был набит битком. Исполнялись произведения: К.Дебюсси «Послеполуденный отдых фавна», которое буквально усыпило, укачало зал; И.Стравинский. Симфония. Н.Римский-Корсаков «Шахерезада» – сказка в музыке. Что-то неземное... В зале сидели с Чуяновым и Заногой. Встретились перед концертом случайно. Владимир во время музыки что-то рисовал, набрасывал на чистой стороне пригласительного билета.

Сегодня у меня были Климешов (Павел дважды перед этим звонил, пытаясь организовать встречу) и Селезнев. Хотят каких-то новых действий. Предложил им создать (пока формально) самостоятельную писательскую группу, пригласив дополнительно Владимира Цветкова. Разошлись все довольные, хотя я

в действительности этой идеи почти не верю (с этими персонажами) – слишком мал творческий потенциал и потенциал убеждений, жертвенности.

11 апреля

С деньгами отчаянный напряг. Решился попросить помощи у Рагима Казиканова. Звонил ему в Дербент. Тот откликнулся с готовностью: «Я давно должен был тебе помогать». Обещал в ближайшие недели перезвонить. «Я тебя считаю своим близким другом» – от этих слов мне стало тепло на сердце. Рагим обещал приехать (обязательно) на мое пятидесятилетие.

Пришел Шаров. Вчера он приносил свою книгу с моим предисловием. Сегодня накрыл стол. Просидели до 22.30. Я выпил бутылку коньяка. Говорили хорошо – собеседник он умный, интересный и терпеливый к чужому мнению.

Неприятности у Коломийца. В Москве все-таки готовят документы, чтобы его снять с должности. Вот тебе и прибыль в шесть миллионов рублей за прошлый год. Для кого старался? Эх, люди, вот так все стараемся угодить больше чужому дядюшке, а копейку в помощь ближнему дать боимся (или жале-ем?).

12 апреля

Нет никакого желания выпивать – но в галерее у Юркова собираемся, чтобы поздравить с шестидесятилетием Евгения Ивановича Галкина. Принес ему в подарок книгу 1938 года – Академия наук, доклады ученых по пушкинской тематике (в свое время мне ее подарил Геннадий Бедняев, когда я у него единственный раз был в гостях, в доме у гостиницы «Нижегородская»).

В галерее собрался наш обычный круг – Пашков, Жильцов, фотографы Анатолий Чепела и Георгий Ликин. Пришел и Фигарев, затем Коля Симонов. Тут никаких «нюансов» – просто дружеская выпивка с продолжением в кафе кинотеатра «Рекорд». Я себя щадил, и как оказалось, не зря. Домой пошел пеш-

ком и на Окском мосту, почти в центре его, на пешеходной дорожке на меня набросился пьяный, с уже разбитым лицом парень. Крепко он меня схватил, но я смог его оттолкнуть и ударом ноги сбить с ног. Он быстро вскочил и опять бросился на меня. Я опять ударил ногой, сбил его и, повернувшись, пошел. Тот бросился за мной. Спину подставлять было нельзя. Пришлось опять пойти на него, но злости у меня к этому парню (что как-то странно) никакой не было. Тот грязно матерясь встал в стойку боксера. Драться не хотелось. «Дурак ты парень» – сказал я ему, и отвернувшись дальше пошел своим путем, не оглядываясь. Парень еще какое-то время шел за мной, орал, матерился, но близко, на расстояние удара подойти не решился.

А вечер был такой теплый, хороший. Странно, что этот отвратительный случай почти не изменил моего настроения. Чаще всего, я захожусь «с пол оборота», а тут... Может быть, это из-за того, что я не пустил в сердце злости лично к нему, этому парню, как к человеку?

13 апреля

В «Волгагеологии» собралась наша новоиспеченная группа в полном составе. Разговор об идеологии и задачах. Больше говорили я и Цветков. Потому и создалось впечатление – двум остальным сказать нечего. Они желают только прибиться к кому-либо, к делу, которое будут творить другие, и что-то от этого (хотя бы и только морально) получать.

Председателем нашей группы я предложил Цветкова.

Появился Павел Шаров. Застолье (короткое, я всех поторопил), после чего пошел прогуляться, а Павел Павлович решил меня проводить. Так вместе и дошли до музея Добролюбова. Там Дмитрий Бирман (депутат Городской Думы) представлял свою книгу стихов. Мы опоздали. Бирман заканчивал выступать. Говорил, что «мы живем в православном государстве», и его деньги есть в тех колоколах, что будут повешены на звоннице храма (я не понял, какого – похоже, имелся в виду восстановленный храм у «Мильеш-

ки»). Но когда оншел избираться депутатом, то мама ему говорила – «в этом городе еврея никогда не изберут». А он пошел и победил. Мне сразу захотелось спросить – в Израиле много депутатов русских? И вообще, кто-то за русского там бы проголосовал, да и возможно ли для русского стать гражданином Израиля?

На водку и бутерброды с Шаровым не остались, ушли.

Цветков подарил свою книгу, что напечатали в Самаре. Такое впечатление – издавали дикари, книгу ранее в руках не державшие. Вообще – это беда многих изданий патристического толка. В чем тут дело – мне понять сложно. Но точно не в деньгах, а в какой-то расхлябанности, безвкусице, наплевательстве. От этого можно сделать проекцию на качество всего нашего патристического движения. Из пяти книжек, подаренных Владимиром Георгиевичем – четыре изданы безобразно (при хорошем качестве текстов, содержании), одна посредственно.

16 апреля

Позвонил Розе. Виталий с предельной убежденностью говорил о том, что это Господь привел его на царство и теперь его устами говорит Бог. И я ему верю, хотя понастоящему, глубоко это убеждение принять в себя не могу, не способен. В словах Виталия уловил – он ожидает всего, даже расправы над собой со стороны врагов, «синедриона». И еще – «Это я вам должен помочь, а не вы мне. Я для того, чтобы спасти тех, кто верует».

Архиепископ Константин (Горянов) последней статьей Розе возмущен. Пожаловался В.Н. Ганичеву, и тот вышел из состава редакционного совета журнала «Всерусский собор». Господи, дай Виталию сил выстоять. Защити его от всего злого. Надо ехать в Питер. Разговаривать. Ощущаю острую необходимость, потребность в этом.

Позвонил и Лукину. Тот в полном унынии. Видимо, что-то не клеится у него с работой в «Литературной газете». Да и как иначе –

журналистской свободы теперь нет и в помине. Выполняя лишь то, что тебе скажут. А при этом еще полное трудовое бесправие, незащищенность законом, нищенская зарплата.

17 апреля

Очередной разговор по поводу дальнейшей судьбы – творческого развития и материального сотрудничества с журналом. На этот раз с Леной Крюковой. Встретились в Союзе. Вроде бы все-таки договорились о взаимодействии. У Елены много творчески наработанного и неопубликованного. Выяснили литературные и эстетические пристрастия друг друга. К тому же она высоко оценивает содержание «Вертикали». Главный итог разговора – необходимо создать презентационный буклет, с которым мы с Леной должны пойти к возможным спонсорам.

Сегодня же говорил о возможном Союзном выпуске с Жильцовым и Шамшуриным. Мое внутреннее впечатление – маловероятный проект.

20 апреля. Ново-Смолино

Поездка с редакцией «Нижегородской правды» на проведение круглого стола, посвященного году русского языка в школе поселка, куда собрались учителя русского языка и литературы из школ Володарского района. Получился любопытный разговор (само-собой получилось, что ведущим оказался я) людей, обеспокоенных возникшей проблемой. И главное – это благодаря таким преданным людям дети еще что-то узнают о русской литературе. Думаю, подробный материал даст «Нижегородская правда». И о мизерных зарплатах учителей, и о сокращении часов преподавания...

Сам поселок –военный городок, построенный финскими фирмами. Красивые удобные пятиэтажные дома. Такая же красивая, чистая, современная школа с двумя бассейнами. Учителя ездили по СССР и за границей – жены военных. Принимали тепло, заинтересованно.

После поездки в кафе «Ковчег» (парк имени Кулибина) отметили семидесятилетие Шарова. Познакомился с конструктором (создателем) приемника «Микрон». Вот так неожиданно пересекаются судьбы.

23–25 апреля. Москва

К этой поездке готовился, но все равно многие вопросы пришлось решать в последние минуты. К сожалению, звонки в Москву не обнадежили.

Поехали на машине с Алексеем Марковичем. Устроились в «Измайловской». Сразу отправился в «Литературную газету» к Лукину. Застал и Александра Яковлева. С Борисом поехали на его московскую квартиру ночевать. По дороге он мне рассказал о своих редакционных страданиях. Хлеб у него легкий, но главная проблема в том, что он мало и недостаточно хорошо пишет. Уже дома выпили по две рюмки виски и улеглись спать на полу. Как много мы в детстве спали на полу – это была норма, когда приезжали к кому-то в гости. Ведь квартиры 60-х годов XX века – маленькие, без лишних кроватей. Выспался отлично.

24.04. В офисе «Мотор Сич» разговор с Кононенко – разочаровавший. Вид у Петра Ивановича больной, утомленный. Помочь в издании книги он не отказался, но окончательное решение перенес на потом. Одарил меня пачкой книг (6 штук) о принесении десницы Иоанна Крестителя в Россию. Тяжелые фотоальбомы. Тащить их в пакете было утомительно. Потому в дороге мучился (даже выходил на станции метро «Динамо», сидел на лавочке, решал – ехать в Переделкино или в «Советский писатель»). Решил направиться к Ларионову – тащиться к Шестинскому с обузой очень не хотелось.

Ларионов как обычно приветлив, но я приехал не вовремя. У Арсения Васильевича свои хлопоты по Шолоховской премии, своему юбилею... Подарил мне «Слово» со своей заметкой о «Сопrotивлении нелюбви». Оказывается, Юрий Васильевич Бондарев тоже читал мою книгу. Очерк о Викторе Астафьеве

его раздражал – он ему не может простить высказываний перестроечной поры относительно себя. На это Ларионов ему будто бы ответил в том роде, что «в мире живут и такие люди, которые думают иначе, чем мы».

Мы и раньше встречались с Облогом, редактирующим приложение «Дом Ростовых» для газеты «Патриот». Теперь познакомились. Человеком он оказался приятным в общении, но несколько порывистым.

При мне Ларионов звонил Шестинскому, затем и мне дал поговорить. Слава Богу, что я не поехал в Переделкино. С Олегом Николаевичем я бы не встретился (за ним Ларионов послал машину) и только бы зря промучился. А так дождался его в «Советском писателе», подарил фотоальбом и библиографию, вместе напомнили Ларионову (он, оказывается, забыл) об очерке «Яблоки русского сада» – «Это лучшее, что обо мне написано» – опять сказал Шестинский. Кстати, и о волжских очерках Ларионов сказал, что их будут печатать. Тоже со временем надо будет напомнить.

Прощаясь, все расцеловались.

Вечером впервые гулял вокруг измайловских гостиниц. Многое вспомнилось – полет на Кубу (отсюда), приезды в командировку (от торгового дома «Микрон» и фирмы «Купец»), вообще восьмидесятые доперестроечные года. Чувства одновременно сладостные и горькие от ощущения ушедшего времени. И вот теперь отмечаем награждение Коломийца общественной наградой в дешевом кафе – и все это происходит уже в ином, невероятно изменившемся мире. К тому же, Лукин вчера сообщил, что умер бывший Президент РФ Б.Н. Ельцин. Никакого огорчения по этому поводу во мне, конечно же, нет. Наоборот. Это он украл у меня тот мир, о котором я сейчас невольно тоскую. Хотя молодость мою забрало время – только оно и больше никто.

25 апреля

Возвращаюсь домой без денег. Этот год начинается очень трудно, угнетающе. Ничего не издается, нет денег для жизни. Тулик!

Домой позвонил Лукин, сообщил, что приехал Шемшувченко. Ну и что? Правда, он надеялся, что я еще в Москве. Затем напомнил о себе Пашков. Саша упрекнул по привычке за мое нежелание ему звонить. Но поговорили по-доброму. И в заключение вечера В.В. Никитин рассказал, что готовит для школьников программу по рассказам Юрия Казакова. Вспоминал моего «Кольку» и натолкнул меня на мысль сделать запись на диске. Я пообещал позвонить Валерию Васильевичу в ближайшее время.

26 апреля

Побывал у Адриановой. Подарил ей «Библиографию», вышедшую к моему 50-летию и последний выпуск «Вертикали». Наташа ходит на выступления в библиотеки, встречается со школьниками. Так и дополнительный тираж «Обретенных тетрадей» потихоньку расходится. Не могли мы с ней не коснуться дел Союзных. Рассказал о своем разочаровании в попытке совместно с правлением выпустить поэтический номер журнала. Она о том, что отказалась встречаться с Рябовым, хотя тот на это напрашивался под предлогом передать давнишнюю грамоту, подписанную Ганичевым, и так и провалявшуюся в ящике стола у Шамшурина (с пятилетия «Вертикали» – я помню, что их тогда привозил Переяслов.) Работа над книгой стихов Юрия Андреевича подходит к концу. Макет почти готов. Пообещала передать мне свои воспоминания.

Случайно попал в выставочный зал на площади Минина – узнал в областном комитете культуры, что открывается выставка росписи по дереву. Зашел бегом минут на пятнадцать. Хохлома почти вся знакома. Хороша. Есть образцы росписи 30-х – 50-х годов. Любопытны, но не трогают. Тематика, понятно, революционная, борьба за мир. Но краски скромнее.

В соседнем зале выставка «обнаженных натур» наших живописцев. Скуотища! Один Пурихов блещет своими скульптурами (камень, дерево, гипс) обнаженных женщин.

Материал о круглом столе пока не вышел. Коломиец после проволочек приступил к работе над книгой избранного. Вернее – возобновил ее. Мне хочется этот проект довести до конца. Пока нет журнала, пусть хоть это будет результатом.

27 апреля

Удивительный день!

Сначала побывал на чтениях, посвященных проблемам ПВО в радиолоборатории. Тема мне несколько знакома – ведь я служил в радиотехнических войсках (9-я радиотехническая бригада 16-го корпуса Московского округа ПВО). Стало понятно, что никакой действительно надежно защищающей страну ПВО у нас нет (да и не было по большому счету все эти «демократические годы – старое разрушили, а нового ничего не создали»). Значительная часть осуществленных разработок создана еще в Горьком. Сейчас для глобального контроля выход существует лишь один – подниматься в космос.

Здесь встретился с Цветковым. Он пригласил на встречу (уже частную, на квартире) с иеродьяконом Авелем (Семёновым), который показывал новый фильм. В видеозаписи старец рассуждал о духовном мире, о том, что сегодняшнее время, события предвиделись духовными людьми. Говорил не назидательно, но убежденно и твердо, как власть имеющий. После просмотра, когда Апель уже собрался уходить, в дверях вдруг опять заговорил о новых паспортах, об ИНН. Все правильно, в том числе и о цели нашей жизни, и о том, что все теперешние ценности мира ничтожны и временны, а нам уготована жизнь вечная, о ней надлежит думать и с этими мерками подходить к собственному существованию на земле. Но в его словах, искренних, уже звучало назидание. Он верил в то, что говорил – но это для него была теория, без духовного опыта.

Во время этого разговора одному из гостей позвонили на сотовый и сообщили, что умер Патриарх Алексий II. Включили телевизор. Об этом ни слова. Но в новостях сообщили,

что умерли артисты Ростропович и Кирилл Лавров. Только что каналы захлебывались от восхваления Ельцина. Мне показалось, что демтусовка сама себя успокаивала, уговаривала. Что и говорить – мистически потеря Ельцина для них – это уход основы из-под ног. Теперь за все безобразия произошедшего развала страны, приватизацию и так далее придется отвечать им. Больше валить не на кого.

Идет очищение духовного пространства страны. Во всяком случае, так хочется думать.

Хоронили (отпевали, провожали в последний путь на Новодевичьем кладбище) Ельцина три митрополита во главе с Кириллом (Смоленским и Калининградским). Было телевизионное обращение Алексия II с перечислением заслуг перед Церковью «первого президента России». И вот... Так ли это, жив он сам или уже нет – это все скоро разъяснится.

У Преловского узнал – договор с городским комитетом по культуре подписан. Можно приступать к работе над книгой «Русское».

28 апреля

Позвонил Виталию. Пересказать его слова (а говорил только он) не сумею, хотя все, о чем он говорил, понимаю и с этим соглашаюсь. Предрекает в скором времени глубокие общественные потрясения. Призывает (и меня в том числе) веру в помазанника Божия пустить не в разум, а в сердце, как когда-то это сделали апостолы Христа, «и тогда сила непоколебимая дана будет». Он уверен в скором падении демократического режима не только в России, но и во всем мире. И говорит это Розе не от себя – от Бога, но как, как свое сердце открыть, чтобы загорелась в нем истина, преданная вера, не знающая страха. Виталий сказал (а звонил я ему домой), что кассеты с его речью уже ходят по стране. К нему приезжают люди из других городов, священники, миряне. Что телефоны его прослушиваются, но ведь терпят, ничего с ним не делают, не убивают.

Попросил его молиться о нас. Так хочется сокрушить грех уныния, вновь вселившийся в мою душу. И каждый раз это происходит, когда вижу переживания Ирины от недостатка денег. Но ведь от этого у меня самого работа только разваливается, все идет труднее, через преодоление еще и собственного угнетенного состояния.

Относительно вчерашнего «сообщения» о смерти Патриарха, так это, как стало известно Володе Цветкову, имелась в виду клиническая смерть, из которой Алексей вышел.

2 мая

По телевидению в новостях Патриарх сказал, отвечая будто бы на вопрос корреспондента, что слухи о его кончине «распространяются теми, кто, видимо, этого очень хочет, но никак не может дожидаться».

6 мая. Бор

С Климешовым поехали смотреть выставку работ художника о. Евгения Юшкова. Она разместилась на втором этаже краеведческого музея, в старинном купеческом особняке.

На Бор переправлялись на речном катере. Солнечно, но холодно – сильный пронизывающий ветер. Весенний город с реки великолепен. Работы о. Евгения в трех залах и коридоре. В основном живопись. Немного акварелей и совсем мало графики. Ряд работ интересен. Они есть в книге, которую художник мне подарил. Оказывается, о. Евгений был настоятелем Карповской церкви. Пять его братьев тоже священники. Он рукополагался в 1980 году. Сейчас ему уже семьдесят. Мал ростом, сух, в очках, но подвижен. Говорит быстро и громко. Хочет, чтобы о выставке написали. Я думаю дать репродукции его работ на обложку, а Павел пусть пишет о выставке. Если попытаться одним словом оценить увиденное – пейзажи, жанровые картины (кстати, цвет в них чаще всего приглушен, немного размыт), рисунки и акварели – то это состояние внутренней погруженности, задумчивости. Буду читать

книгу, записи из дневника. Может быть, она еще что-то добавит к впечатлению.

7 мая

В Союзе отмечаем День Победы. Людей пришло немного. Из ветеранов (трех – И.К. Кузьмичева, А.И. Плотникова, К.Д. Промина) один Константин Данилович. Он бодр, свободно выпивающий и свободно же говорящий своим назидательным «академическим» голосом с остановками, паузами, артистичностью. Перед началом встречи я сдал в производство «Русское» и подарил по предложению Шамшурина два выпуска «Вертикали» студентке, пишущей диплом по литературным журналам.

Само застолье в этот раз больше походило на домашнее. Жильцов затянул песни. Затем все разбрелись по залу кучками (из членов Союза всего-то было четырнадцать человек). Поговорили мы с Эрставым. Женя уже не раздражается на «Вертикаль», не предвещает журналу скорую гибель. Сказал, что видит – мой журнал упоминается и цитируется в обзорах (в частности, в «Новом мире») наравне с другими толстыми журналами. Условились, что запишем с ним большую беседу, поговорим о литературном процессе, который вместе пережили.

Закончена подготовка текста для «Избранного» Коломийцем. Все материалы отдал Щеглову.

Стояли с Сергеем Чуяновым у окна (в зале Союза), пили кофе после водки, и он спросил – что у вас произошло с Чуяновым. Сергей спрашивал об этом и у отца Владимира, но тот ничего не ответил. (А вернее всего, ничего не смог объяснить, так же, как и я.) Чуянов убежден, что мы что-то скрываем. А на самом деле – просто все заканчивается в этом мире. И дружба, к сожалению, тоже.

15–19 мая. Москва – Белгород – Москва

В первый день только заехал в Союз. Правда, и там повидался наконец-то с Виктором Потаниным (обнялись, расцеловались), Се-

мичевым и Кан, Поздныевым). (Он говорил, что обеспокоен судьбой библиотеки отца – Константина Ивановича Поздныева. Хочет подарить ее в районную библиотеку города Семенов, раз отец так много писал о поэте Борисе Корнилове). Весь же остаток дня провел в «Литературной газете». Там у них своя работа. Чтобы не мешать, я даже на час выходил погулять по окрестностям Костинского переулка. Набрел на площадь, где когда-то стояла Сухарева башня. Давно хотел там побывать. То, что передают старые фотографии, сейчас неузнаваемо. Большая площадь плохо ухожена. Сквер, где стоит памятный знак, неопрятен.

Саши Яковлева я так и не дождался (хотел показать рассказы для газеты), но зато пришел писатель Михаил Попов (московский, а есть еще архангельский) – чрезвычайно симпатичный и добродушный человек, несмотря на свою знаменитость. Принес водки, закуски – пили, и я подарил ему два номера «Вертикали».

В поезде попали в одно купе с кинорежиссером (фамилии не помню) и руководителем писательской организации из Вологды. Приходил Владимир Личутин. Хоть и слегка пьян, но говорил хорошо об истории, русской культуре, языке.

16.05. В Белгороде жара. Сразу у гостиницы «Южная» осмотр памятника князю Владимиру. Поездка по городу. Впечатление – мал городок, но опрятен и чист. И очень умеренно на улицах рекламы.

Открытие памятника русскому слову. Думается, художником (скульптором) возможное решение найдено. Хотя все условно, с некоторой натяжкой. Выступил Лановой. Специально прилетел.

В университете открытие Дней российской литературы. Потом концерт. Пела Татьяна Петрова (замечательно – голос сильный, чистый), Василий Лановой читал стихи А.С. Пушкина и В.В. Маяковского, Михаил Ножкин пел свои известные песни и много еще чего было хорошего.

Закончился день губернаторским приемом – щедрым застольем, которое сам Евгений Степанович Савченко и открывал.

17.05. Три главных события. Посмотрели спорткомплекс Светланы Хоркиной. Замечательное новейшее сооружение со всевозможными залами, бассейном и прочим. Долгая и содержательная конференция русистов в университете. В кинотеатре просмотр небольшого фильма Довженко «Земля». Антиулацкий, богоборческий (от этого жутковато), но талантливый. Сцены – умирание старика, голая невеста «беснуется» от горя о погибшем женихе, похороны...

Перед фильмом и после долго разговаривали с Виктором Федоровичем Потаниным (и Виктор Петрович Астафьев (у В.Ф. сотни писем от него – они дружили долгие годы), Валентине Григорьевиче Распутине (они и сейчас дружны, большая переписка), Юрии Казакове (тоже были близки), о его писательской судьбе. Конечно, все в памяти не удержишь, а записать беседу полностью не получится. Вот лишь эпизод. На Байкале Потанин стряхивает ручку за бортик, чтобы чернила вновь писались. Распутин ее вышибает.

– Ты что делаешь. Для Байкала и капли чернил много. Под озером есть еще Байкал и там живут люди. – И замолчал. Продолжать говорить на эту тему Распутин не стал.

Потанин обеспокоен, сможет ли Валентин Григорьевич вынести смерть дочери, погибшей в страшной катастрофе в Иркутске. («От нее ничего не осталось. Похоронили горстку пепла и расплавленный крестик»).

Очень дружны Распутин и Владимир Николаевич Крупин. «Бывает, что неделями каждый день видятся». Ну, и далее много чего любопытного и познавательного.

18.05. Выступать в учебное заведение потребкооперации не поехал. Отправился гулять по центру города. Поразился чистоте, ухоженности. Парк вдоль речки. Театральная площадь. Сквер и Вечный огонь. Вокруг здания областной администрации и Преображенского кафедрального собора, в котором в первый день мы приложились к деснице (к

самой – стекло было поднято, десница обнажена от покрова) св. Иоасафа. Русский город – спокойный, достойный. Потому что власть русская, православная. Простят ли это все губернатору наши враги?

За эти дни близко познакомился (жили в одной комнате) с Андреем Николаевичем Печерским, редактором газеты «Русь Державная». Он мне казался (да так и есть) человеком молчаливым, не очень располагающим к общению. Но при ближайшем знакомстве он немного раскрылся, потеплел. Может, и будем дружить. Подарил ему «Обретение России» (он прочитал, и книга ему понравилась) и «Сопротивление не любви».

Закончились дни русского языка на Прохоровском поле. Жара несколько измотала, утомила.

21 мая

Выставка Заногы в зале областной библиотеки. На светлых стенах и картины заиграли, засветились жизнерадостностью. Удивительно. Все это я у Владимира Ивановича видел ранее. Но все равно хорошо. С любовью написано.

Повидался с профессором Кутыревым (подарил новую книгу), Валерием Никитиным, Виктором Тырдановым, Геннадием Красниковым...

22 мая

Вечером, в 17.30 в офис позвонил М.И. Кодин. Интересовался – куда я пропал и почему ему не звоню, когда приезжаю в Москву. Рассказал о предстоящих заседаниях Клуба и поездках. Предложил подготовить и издать книгу к 15-летию, куда войдут уже написанные мной материалы и будущие. Это к декабрю.

Конечно, я не звонил и не заезжал сознательно. Слишком «бросово», как мне показалось, Михаил Иванович начал относиться и к моей работе, и ко мне самому. В то же время помощь изданию прекратилась совсем. А видеть во мне «обслужу» я не позволю. «Вертикаль» – это мое детище, мною

выстраданное издание. Когда же слишком много в журнале материалов о деятельности «Московского интеллектуально-делового клуба» (да еще в одном номере), то это портит качество журнала. Хотя, если вновь восстановятся добрые отношения, то я буду и дальше сотрудничать с Клубом Н.И. Рыжкова.

23 мая. Кунавино

Первый раз в этом году доехал до деревенского дома. Слава Богу, все в целости. На машине «Волгагеологии» отвез Наташино кресло, книги и всякие пожитки.

По телефону разговаривал с Ириной Дмитриевной Мухиной. Мои книги до нее дошли. Договорились, что к предстоящему моему юбилею сделаем для «Нижегородской правды» интервью.

24 мая

День потрачен на выяснение решения проблемы с соцстрахом. Спасибо Шарову, подключился вплотную.

На Славянские дни в Литературный музей заскочил буквально на минуту – отдал книги «Русское», которые перед этим забрал в «Дятловых горах». Сам даже не посмотрел, не открыл ни одной пачки.

25–28 мая Кунавино

С Иррой. Открыли дом. И работа, работа... Жара несусветная, плюс тридцать два градуса. Спасла баня.

29 мая

Жара продолжается. Тяжело и шевелиться, и думать. Писать ничего не получается. Звонил Шестинскому. Он высоко оценил «Кольку», но вот что предложить на конкурс в Московскую железнодорожную газету? Советует «Отца», но без оптимизма. От «Советского писателя» украли бронзовый памятник В.И. Ленину (на низком постаменте) работы скульптора Комова. Вот времена! Сколько десятилетний скульптура простояла, но перед рынком кто устоит?.. Наверняка распилят на металлолом.

Сергей Шестак помог получить «Русское» в типографии. Намутились, подвезжая к департаменту культуры. Улица Варварская у площади Минина перекрыта. На улице Минина горит ночной клуб-казино «Рокко». Пришлось ехать к улице Воробьева (объезжая улицу Ильинскую – там меняют трамвайные пути) и уже с нее через площадь Горького и площадь Свободы пробираться к Нижегородскому универсаму. Целое путешествие. Но гора с плеч, дело завершено. Спасибо, что Сергей безотказный.

1–3 июня. Кунавино

Посадили с Ириной четыре штуки сосен и кусты ежевики. Куст шиповника у ванны.

Записал статью для «Земли Нижегородской», посвященную году русского языка.

Должен был ехать в Болдино на Пушкинский праздник, но не поехал.

6 июня

Начал работу над версткой книги к 15-летию Клуба Н.И. Рыжкова. Мои тексты пока уместились на ста сорока страницах.

10–12 июня. Кунавино

По дороге в лесу выкопали две елочки и шиповник. Ирина нашла и дубок. Оставили на потом. Все посадили у себя на участке. Наконец-то занялся дверью в бане. С таким-то опозданием.

Еще в прошлый раз увидел на черемухе напротив моего окна большое гнездо. Подумал, что оно брошенное. Но на следующий день по приезду в этот раз увидел, что из гнезда выбрались четыре птенца сороки – большие, пушистые. Двое улетели совсем уже после обеда. Два других ночевали на наших деревьях. Мы все наблюдали за ними, переживали – не погибли бы. Но вроде бы обошлось.

13–16 июня. Москва

На этот раз до Москвы доехал с Алексеем Марковичем. Сразу на метро и до Сокола. С гостиницей вышло удачно. Успел еще и

до Союза доехать, с Геннадием Ивановым, Николаем Переясловым, В.Н. Ганичевым встретиться. Подарил «Спротивление не-любви» и выслушал всякие хорошие слова от Валерия Николаевича о «моей творческой форме»...

Утомление всего дня сказывалось. С Лукиным решил не встречаться, но он сам приехал на Сокол, и мы в парке ходили по округе и все говорили, говорили. Сообщил Борис и приятное для меня – рассказ «Говорящее дерево» идет в «Литературной газете» в конце месяца. Статья о русском языке в школе тоже принята очень доброжелательно.

14.06. Утром обзваниваю Ларионова, Полеванова, Кодина – он в Китае, но верстку попросил оставить. У Полеванова встреча просто отрадная – «Всегда рад вас видеть». Интервью прочитал и подписал, с журналом обещал помочь, показал на компьютере отрывки фильма о Вьетнаме, который сам делает.

Пешком прошел до Ларионова. Памятник Ленину работы Комова у издательства забрали. (Думаю, за какие-то долги.) Еще один скандал. Арсений Васильевич их просто порождает. Встретился у них с Михаилом Поповым – главным редактором журнала «Двина» из Архангельска. Тот ехал получать какую-то премию в Ульяновске. По-моему, доброжелательный дядька. Мы вместе ушли от Арсения Васильевича, немного поблуждали в метро. Обязательно pošлю ему свои журналы. Но ведь не ответит – как обычно.

В гостинице читал книгу о велосипедисте – путешественнике с Камчатки. Полеванов дал с возвратом. Захватывает.

15.06. С Лукиным едем в Переделкино. Шестинский дает интервью для «Литературки». Много говорит о Ларионове – утомительно и для меня (по мне) уже надоедливо.

Днем почти три часа ходил по кладбищу и по улицам. Свежая могила Михаила Алексеева. В этом же ряду лежит Юрий Щикочихин, Юрий Давыдов. Ниже могилы Татьяны Глушковой, Роберта Рождественского, Вадима

Кожевникова. Поднимаюсь к Корнею Чуковскому и Борису Пастернаку.

Ночевал у Шестинских. Спал плохо, тяжело.
16.06. Перед отъездом домой ходил по улицам внутри Садового кольца у Курского вокзала. Пустынно в Москве в выходные дни. От этого и на душе как-то пусто.

22 июня

В областной библиотеке Бринские презентуют книгу отца. Собрались бывшие партизаны – старые, с ключечками. Настоящие воины. Многие выступали. Вел встречу Цирюльников.

Удивительные подробности рассказала дочь прославленного нашего партизана (из Москвы.) Когда Антон Петрович отправлял отряды на задание, то всех обнимал и после этого некоторых оставлял – чувствовал неладное. Или во время войны какая-то сила буквально заставила его выйти из блиндажа, и тот после этого взорвался. Рассказывала и другие подобные случаи из жизни отца.

А вообще, войну мы стали забывать. Далеко ушли... и от многих книг про нее отказались. А зря!

23–24 июня. Кунавино

Посадили еще одну елочку. В окно смотрел на опустевшее гнездо сороки, и отчего-то было грустно. Будто приезжали в дом гости, порадовали хозяев – и уехали. И вот теперь в окружающем мире, в моей жизни чего-то не хватает.

27 июня

Вчера разговаривал с Шестинским. Был у него Олег Пономарёв (из Тулы). Как я понимаю, конфликт между ними исчерпан. Вспоминали меня. С юбилеем Ларионова полная неясность. В «Литературной газете» напечатана очередная уничтожающая его статья. Такой подарок к 70-летию от «михалковцев».

Вечером собрались у меня в редакции Климешов, Селезнёв, Цветков, Евгений Супрун. Говорили о продолжении сборника. Но

если делать это с ними, то надо жертвовать качеством и идеей.

Пешком дошли до моего дома с Цветковым. Попили у меня чай, говорили о сборнике. Я предложил название «Русское слово». Есть преемственность от первого сборника в названии и легко обыгрывается – «слово» пишется более мелким шрифтом. В авторы пригласить известных русских писателей – Шестинского, Крупина, других.

Сегодня с Владимиром были в мастерской у Виктора Ивановича Пурихова, смотрели макет нового памятника. Я многие работы разглядел будто впервые. Заодно зашли в соседнюю мастерскую, посмотрели модель памятника Войно-Ясенецкому (установят у медицинского института на проспекте Гагарина) и барельеф Юрия Адрианова. Все впечатлило.

28 июня

Еще два дня назад приходил ко мне художник Альберт Данилин. Принес статью об авангардном искусстве. Ранее она печаталась в «Нижнем Новгороде». Прочитал. Очень многословно. В перепечатке у себя отказал. Посоветовал написать новую – художник и земляк, как национальная основа творчества (он сейчас живет в Сеченове), позабыв о своей старой статье. А сегодня он позвонил вновь. Пригласил встретиться у художницы Арбековой, посмотреть ее гобелены. (Покойная искусствовед Екатерина Пухова написала мне статью о ней, которую пока я так и не опубликовал). Пешком пошел в Кузнечиху. Встреча оказалась теплой. Работы изумительные, а труд, чтобы создать их – каторжный. На картоне рисуется эскиз. Затем по нему набиваются цветные нити. В разговоре за ужином выяснили – абсолютное совпадение взглядов по «русскому вопросу». Подарил им журналы и «Русское». Себе на память взял фотографию большого гобелена – десять сюжетов из жизни Христа от Благовещения до Вознесения. Прекрасное произведение... Свои работы художник не продает. Жалеет. Их немного, а продай – на

27–29 июля. Кунавино

выставках показывать нечего будет. Да ведь это еще и как дети – сколько жизненных сил, времени им отдано!

30 июня – 1 июля. Кунавино

Пасмурно. На второй день моросило. Птицы склевали всю клубнику у Ирины. Она даже видела рано утром, как они это делают – садятся на землю и аккуратно обходят все кусты, выискивая спелые ягоды. В разбое замечены дрозд и четверо наших сорочат.

2 июля

Письмо из Хабаровска. Журнал «Дальний Восток» готовит публикацию из «Кольки». Попросят биографические данные.

Сообщение на телефон от Прохорова из Нижнего Ингаша. Журналы с моими публикациями выслал в пятницу. А я в пятницу как раз купил «Литературную газету» с «Говорящим деревом». Этой публикации ждал.

По телефону говорил с Кодиным. Он весело-приветлив. Я пообещал заехать к нему в среду.

7–8 июля. Кунавино

Начали с Ириной благоустраивать дальний участок. Я косил. Она вырезала малину.

11 июля

Позвонил Олегу Николаевичу. Он тоже получил «Истоки». Мою работу «Яблоки…» опять оценил очень высоко и наговорил в мой адрес много теплых слов. Сам же журнал охарактеризовал как «самодетельный». Это верно – но пусть выходит хотя бы такой, чем никакой. Жаль только, что по всем признакам у Прохорова начинается «головокружение от успеха». Надо бы дело делать поспокойнее и повдумчивее. Ну да и так ладно, лишь бы все впрок. А Олег Николаевич хандрит, тоскует, как сам замечает, «от одиночества и предательства». Как хочется помочь – но чем? А может быть, это мои заметки так на него подействовали.

Закончились юбилейные дни. За все это время за дневник не брался – не было никакого желания. Отметили мое 50-летие достойно, так, как я и не ожидал. Было достаточно много прессы – везде, где это еще возможно (говорить о культуре в нижегородских газетах) были статьи, интервью. Поздравила и «Литературка». Ларионов прислал телеграмму, Шестинский написал замечательно-теплое поздравление. Все это тоже будет напечатано.

Сам день рождения отмечали в ресторане «Черная пантера». Перед этим с Цветковым сходили на кладбище к могиле отца. За столом кроме наших – Заноги, Коломийцы, Лукины, Пафнущев, Цветков, Марахтанов. Нескольким раз звонил Рагим. От него привезли подарок – золотые наручные часы. Вечер прошел замечательно. К нему напечатали №19 «Вертикали». Всем его подарил.

Через неделю в кафе поздравляли Лену. Там случился разговор с Еленой Шаховой по ее инициативе. Ее шеф заинтересовался журналом. Продолжение разговора через неделю. Уже более подробно Елена расспрашивала, как издается журнал, что делать им с газетой. Уговаривает на сотрудничество. Вообще-то я не против, но только в том случае, если у нас произойдет общение с ее хозяином и мы найдем точки соприкосновения взаимных интересов. Передал Елене для него комплект журналов и свои книги.

Все прошедшие выходные в деревню не ездили. И вот опять здесь с Ириной. Сжег весь мусор на дальнем участке. Как сразу стало хорошо. В этот раз натопил баню. Перед поездкой в Москву на следующей неделе – это укрепление сил.

Наконец-то начал отсылать свои издания в книжную палату. Нужно использовать возможность для благого дела.

30 июля

Позвонил Печерскому, чтобы договориться о встрече в Москве, а узнал, что он в Дивеево и не может найти меня. В «Руси

Державной» вышла моя статья (может быть, интервью?). Он был готов заехать ко мне, но в итоге договорились, что встретимся в Москве. Жаль, могли бы хорошо пообщаться, а затем вместе и в столицу отправиться.

Отец Евгений Юшков за журналами прислал сына Николая – реставратора. Времени на разговоры почти не было, но взаимные интересы относительно журнала обнаружились сразу. Даст Бог – получится хорошее продолжение нашему намечающемуся сотрудничеству.

31 июля – 4 августа. Москва

С вокзала проехал к Полеванову. Отдал ему журналы с его интервью. Короткий разговор, кофе. Владимир Павлович подарил новые фотографии с Байкала. Новый (настоящий) исток реки Лены они все-таки нашли.

В Союзе писателей угодил на Секретариат. Валерий Николаевич поздравил с юбилеем и вручил Почетную грамоту. Я в ответ подарил свежие номера «Вертикали», к тому же там есть материалы о празднике в Белгороде.

Геннадий Иванов пригласил в следующую поездку – уже в Оренбург в более тесной компании. Ночевать устроился в гостинице «Мотор Сич».

01.08. Разочарования продолжают. Кононенко в помощи журналу отказал. Огромные деньги он потратил на акции фонда Андрея Первозванного.

Купив на Курском вокзале билеты обратно, пошел новым маршрутом в «Советский писатель». Вышел на набережную и уже оттуда, мимо Кремля зашагал на Поварскую. У Ларионова застолье – привезли из типографии его новую книгу «Из-под самого сердца: книга русской жизни...» – статьи из журнала «Слово». Мой очерк о Шестинском ему не очень нравится. Видимо, публиковать не будет. («Потом как-нибудь» – я воспринимаю как отказ.) О реках вроде бы идет, но тоже до конца не определено.

К Шестинским в Переделкино приехал вечером. Обижены. Ждали меня к обеду. Ночь, такое впечатление, что провел без сна.

02.08. Дождь. На сердце тоска. Долго стоял под навесом торгового центра напротив Киевского вокзала, соображая, что делать дальше. Встреча с Андреем Печерским назначена только на вечер.

Попытался на Курском обменять билеты, чтобы уехать домой (так мутрно было на душе) – безуспешно. Пешком дошел до «Литературной газеты». Саша Яковлев понял мое состояние, отпаивал чаем. Дозволил до Печерского. Он медленно едет по трассе. Машина с неполадкой – почти нет тормозов.

Лукин дает ключи от квартиры на Речном вокзале. Отправляюсь туда. В пустых комнатах слышно завывание ветра за окном, стук дождя о подоконник. Но странно – потихоньку успокаиваюсь. Тоска уходит.

03.08. Утром еду в Троицкое с платформы от метро «Войковская». Погода немного разгулялась. Станция небольшая, в лесу. Андрей встретил на платформе с овчаркой.

Ездили в Новый Иерусалим. Ожидаемого впечатления монастырь не произвел, хотя Истра в этом месте действительно похожа на Иордан (как я его видел на фотографиях). Скит Никона в лесах, место уединенное, вдали от монастырских крепостных стен.

Внутри побывать довелось только в подземном храме. Там и свечи поставили.

В самом Троицком два храма. Один деревянный, старинный. В нем служат лишь дважды в году. Каменный никогда не закрылся. Служба велась почти непрерывно.

Вообще же место благодатное, красивое, спокойное. У Андрея большой участок земли со своим леском (грибы растут – видел белый, подберезовик, лисички, валуи, сыроежки), дом переделан из бывшего сельского медпункта. Находились, нагулялись под дождем, наговорились вволю. Хозяин приготовил вкуснейшие стейки из семги.

04.08. Утром сына Андрея – замечательного паренка – отвезли в Шереметьево-2. Он улетает с группой православной молодежи в Сербию. В московской квартире (метро «Водный стадион») узнаю историю их семьи.

Оказывается, жену Андрей увез без родительского разрешения.

Договорились о сотрудничестве. Во что это выльется, загадывать сложно.

Дождь не перестает, но, уже подъезжая к Владимиру, заметил в окно – тепло и солнечно. Непогода осталась позади. И как же хорошо возвращаться домой!

10–12 августа. Кунавино

В деревне дважды топил баню. Обрезали смородину.

Опять через пробки. Назад, почти в 11 часов вечера встал у Рекшино. Почти четыре часа добирались до дома. Машину истерзал.

13 августа

В Союзе писателей отметили день памяти Юрия Адрианова. Два года, как его не стало. Организовано плохо – никто не пришел, кроме меня, Цирульникова, Чуюнова, Фигарева. Был Жильцов. Наташа заглянула и тут же ушла. Уже когда мы с Чуюновым пошли за водкой, то увидели ее и вернули. Потом еще кто-то заходил. Наталья не выдержала, высказала Жильцову все, да и так по Союзу прошлась. Правильно, пусть знают, что им следует ее бояться, а не наоборот.

17 августа

Правление. Пришла представитель застройщика. (Им принадлежит гостиница «Россия» на Верхне-Волжской набережной и весь этот квадрат земли между набережной и улицей Минина.) Показала проект реконструкции и расширения гостиницы. Нашего особняка там нет. Он уже года два как принадлежит застройщику – какой-то иностранной фирме. (Интересно, кто от нашего Союза подписывал эти документы, согласования?) В виде компенсации предлагают в аренду другой офис. Рябов в восторге, как и все (Шамшурин, Цирульников, Чуюнов). Я понимаю, кому все это нужно и для чего – получать деньги с аренды. Она же пришла для разговора, чтобы не нагнетать обстановку. Вернее, ее послали из нашего правитель-

ства. Там чувствуют, что в обществе бродит искра, готовая вспыхнуть гневом. Но ведь этого и не избежать. Мы все-таки народ пишущий. Уже несколько газет по этой щекотливой теме дали информацию.

20 августа

Ира в больнице. Все переживаем. Начало не совсем удачное. Звонил Розе, просил молиться. Виталий заверил, что все будет благополучно – он знает, Ирина во время операции будет под покровом Богородицы. В журнале мы с ним рядом, хотя я еще и не знаю, что за материал они поместили, который из принесенных мною выбрали для «Всерусского собора».

Начал вплотную заниматься книжкой Анатолия Пафнутьева. Трудов тут немного. Делаю ее больше по необходимости – вернуть свои моральные долги перед ним.

По телефону короткий разговор о здоровье с Шестинским. С Семеном Ивановичем Шуртаковым подольше. Опять недоволен публикацией в «Вертикали». Упрекал, что не перепечатаваю рассказы из его книжки.

23 августа

Книга «Русское слово» уже выстраивается в макет. Сегодня и свое «Душа осталась...» в нем привел в порядок, и материал о Льве Николаевиче Толстом Володи Цветкова поместил. Объем – 160 страниц. Если еще воспоминания Шарова, то все.

Позвонил Кожину. Разговор спокойный, деловой. Книгу к 15-летию Клуба делать будут. Высказал свои замечания и предложения по верстке. «В сентябре надо будет съездить в Белгород».

Раз так все определилось, то нужно вплотную заниматься книгой, писать недостающие материалы, подготовить вопросы для членов Клуба к юбилейной анкете, подобрать фотографии.

26 августа

В 6.00 с Ириной на службе в Староярмарочном соборе. Ира исповедовалась и при-

частилась. Я отстоял службу без устали. Правда, довольно рассеян был.

Вчера подготовил два материала для книги о Клубе Н.И. Рыжкова. Сегодня вопросы для Кодина и дополнение к «Русскому апостолу».

27 августа

Ирина легла в больницу. Операцию назначили на среду.

Передал по факсу вопросы Кодину. Сказал ему о подготовленных статьях. Но стоит ли залезать мне в это дело с головой, пока еще окончательно не решен вопрос с финансированием издания? Переговоры по телефону могут закончиться ничем, и что тогда делать с написанными материалами?

28 августа

Еще один удар – у Ирининого врача, которая готовила ее к операции, внезапно умер муж. Сорок пять лет – сердце. Теперь должен делать другой врач. И все как-то не так, не спокойно. Конечно, Ирина нервничает, я тоже. Сидели у приемного покоя и как могли друг друга успокаивали. В это время позвонил Жильцов. Прошло заседание комитета по премиям Нижнего Новгорода. Он меня поздравил.

29 августа

Получил у А.И. Юрина первую часть книжек Пафнутьева.

С Таней у Ирины. Она еще не отошла от наркоза – стонет, ее тошнит, губы сухие, белые. И так мне ее жалко стало, что чуть сдержал слезы. Шел из больницы пешком, и все думал – как много обид по пустякам мы причиняем друг другу. Но испытания показывают всю их мелочность и пустоту. Но ведь уже ничего не вернуть, не исправить.

30 августа

Слава Богу – Ирина чувствует себя лучше. Хотя, конечно, еще боли мучают. Но состояние – со вчерашним не сравнить.

С Цветковым сначала вместе дошли от «Волгагеологии» до больницы. Затем от боль-

ницы до дома. О многом за дорогу, а потом и у меня, переговорили. Я уже готов писать об академике Д.С. Львове, даже набросал первую страницу.

31 августа

В Литературном музее вечер Ирины Дементьевой. Ей, как и мне, в июле исполнилось пятьдесят лет. Собрался целый зал. Подарил «В-19» с подготовленной ею публикацией Лилии Лопуховой. Раздал около десятка газет «Руси Державной» с моим интервью.

По телефону у Ирины голос бодрый, уже ходит. Дело идет на поправку.

3 сентября

Пришло письмо от Владимира Крупина с добрыми словами о «Сопrotивлении не-любви». Обрадовался ему очень. Как важна такая поддержка сейчас, в такое непростое время. По телефону у Шемшученко узнал, что «Всерусский собор» вышел с моим очерком о Шестинском «Яблоки русского сада». (Владимир все-таки хочет пробиться на юбилей «Мотор Сич», я же совершенно к этому равнодушен). Перезвонил Олегу Николаевичу, сообщил новость. Знаю, ему хотелось, чтобы у питерцев этот материал появился.

В телецентре Цирульников отметил свое семидесятилетие. В одной из комнат на первом этаже накрыли стол, и как принято у крупных начальников, ожидающих многих гостей – люди заходят, поздравляют, выпивают и уходят. Экономно, удобно, ненавязчиво. Мы тоже не задержались. (Я, Проймин, Половинкин, Жильцов, Рябов, Дементьева.)

4 сентября

На здании филфака университета открыли мемориальную доску Юрию Адрианову. Много речей. Наташа не умолчала о трудностях, сопровождавших подготовку доски к открытию. Это прозвучало несколько не к месту. Олег Рябов, потерпевший поражение «в битве за дом» (и правильно – не возносись в гордыне), не пришел.

7 сентября

Назад по ремонтирующейся Большой Покровской шли с Валерием Никитиным. Опять – надо встретиться, давай созвонимся. На этом и разошлись.

Из неприятного – прочитал полумесячной давности интервью с Покровским о «Русском» в «Нижегородской правде» и вечерний спор с Шаровым, закончившийся тем, что я его (да и остальных, бывших за столом) практически выгнал из своего кабинета. Тема спора – русский вопрос и предающая национальные интересы наша интеллигенция, бесконечно кающаяся перед вконец обнаглевшими инородцами.

5 сентября

Вручение премий Нижнего Новгорода. Сказал мэру Вадиму Булавинову, что у меня есть к нему предложение относительно выпуска журнала. Он: «Давайте после Дня города».

Привел с собой Наташу. За столом – с Жильцовым, Пройминым, Чуяновым. Владимир просит посодействовать в получении премии «Хрустальная роза Виктора Розова».

Прошел к Ирине в состоянии несколько хмельного. Бутылку коньяка с Жильцовым на двоих мы все-таки выпили. Ирину завтра выписывают. Чувствует себя хорошо. Слава Богу, все обошлось.

6 сентября

Неожиданно ко мне в «Волгагеологию» приехал Шуртаков. И пять часов непрерывного монолога. Говорит Семен Иванович хорошо, складно, со знанием дела, но уж очень назидательно и не слушая собеседника. Настаивал на своих публикациях в «Вертикали», что не ново. Все наши предыдущие встречи были посвящены этому же вопросу. То же, что я его публиковал – все не так, ему не нравится. А уж благодарности, естественно, никакой.

Подарил Семену Ивановичу «Спротивление нелюбви». После его замечания-упрека предложил ему войти в редакционный совет. А почему бы и нет. Приходили во время нашего общения Шаров, Коломиец, Цветков.

Ирина выписалась из больницы.

У Игоря Преловского распечатали первоначальный вариант «Русское-2». Выходит за двести страниц. Содержанием я доволен. Кажется, книга будет с интересом читаться.

Из Нижнего Ингаша позвонил Прохоров. Думал, что я приехал в Решёты. Так ему сказали: «Приехал с мамой». Объяснил Сергею Тимофеевичу, что это, должно быть, брат.

В Художественном музее на Верхне-Волжской набережной выставка Сергея Радионова. Я впервые за долгие годы в этих помещениях – зал с картиной Маковского «Воззвание Минина...». Выставка Сергея почти не впечатлила. Все это «местное», провинциальный уровень. Хотя цветы и этюды есть хорошие, но портреты и жанровые картины заметно проигрывают. Повидался с Эрастовым, Заногой (загорелый, на яхте прошел по Каме и Волге), раздал №7 «Руси державной».

12 сентября. Работки

С Коломийцем поехали к нему в сад собирать сливы. Перед этим заехали в Работки. Сколько раз за свою жизнь я проезжал мимо этого поселка – не счесть. Оказалось, это старое волжское купеческое село с большим храмом, церковной площадью, с домами каменными двухэтажными дореволюционной постройки. Все это имеет свой неповторимый исторический аромат. Конечно, сходил на берег Волги. Широка, живая, как в моем детстве – движение воды, хлупание волны, песчаный берег.

Причальная стена и речной вокзал, построенные еще тогда, в советское время при возведении Чебоксарской плотины, заброшены и разбиты. Такой контраст – жизнь и смерть (уныние, запустение).

А слив набрали много. Урожай богатый. Алексей Маркович говорит, что и всегда так. Предложил взять саженцы. Вот бы и правда выкопать да перевезти к себе, в Кунавино.

13 сентября

Дозвонился до Парпары. Анатолий Анатольевич дома, давление. Говорит трудно.

Объяснил, что хочу выслать ему свою книгу «Сопrotивление нелюбви» и потому уточняю адрес.

– Да, Валерий, я вас хорошо знаю, как публициста. Присылайте, мы ее отрецензируем в «Исторической газете».

Отослал и книгу, и последний выпуск «Вертикали».

20–21 сентября. Кунавино

Больше месяца не были. Под дождем выкопал лук, морковь, свеклу, редьку. Всего понемногу, но и это бросать было жалко. В доме натопил, тепло.

Следующий день сухой, солнечный. Обрезали яблони, смородину. Натаскал большую кучу веток. Хорошо, что хоть прежние раньше сжег. А то пол-участка было бы хламом завалено.

Машину в гараж ставил в полной темноте. Закрывал на ощупь.

24 сентября

Лена Крюкова устроила представление трех своих новых романов в областной библиотеке. Говорила хорошо – не так азартно и довольно связно. Хорошая мысль – «Я сейчас стала спокойна и терпелива». Мне бы последовать этому примеру. Именно – сосредоточиться, ни от кого ничего не ждать и не обижаться, а больше работать, писать, готовить книги.

Отдал ей свою «Сопrotивление нелюбви», «Библиографию», интервью в «Руси Державной». Лена хочет написать статью обо мне и моей книге.

В верстке книги о Клубе Н.И. Рыжкова добавил статьи. Теперь в ней двести страниц. И это еще не все.

25 сентября

В Доме актера журнал «Русская жизнь» устроил что-то вроде презентации. А вообще только фуршет (довольно обильный). От Нижнего в этом проекте как-то завязан Захар Прилепин. Он мне показал сообщение на телефоне от Бориса Лукина. Тот в больнице.

Весь вечер проговорили с Женей Эрстовым. Хорошо, что со мной пошла Ирина. Немного развеялась. Я выпил бокала три вина. Прошлись пешком через Кремль до Скобы. Вечер теплый, тихий. И на душе светло оттого, что идем вместе, говорим о наших делах, как в молодости...

27 сентября. Хабаровское

На машине с Шаровым и Цветковым поехали к источникам. Сначала в село Козловку, затем в Хабаровское на Оке. Оба места удивительные и по красоте, и по обустроенности. К первому ведет хорошая бетонная лестница. Построена новая часовня из красного кирпича, с газовым отоплением. Купальня (в ней можно только окатываться из ведра, стоя в деревянной колоде – впрочем, все предусмотрено и удобно) увешана иконами. Все это восстановление (ранее здесь все это было, да в богоборческие времена уничтожено) совершил один благочестивый муж в память о почившей (в 31 год) супруге. В Хабаровском с высокого берега открываются удивительные виды на Оку, город Дзержинск, леса. Здесь два источника. К одному ведет наезженная по склону горы дорога. К другому – узкая тропинка-лестница, сколоченная из досок. Деревянная купальня удобная, с бассейнами и лесенками. Везде набрали воды, фотографировались, делали видеосъемку.

Сколько замечательных, святых мест вокруг нас, совсем близко – а мы их не знаем. А ведь как это важно и нужно – там бывать.

1 октября

На Автозаводе у Эдуарда Кузнецова по его настойчивому приглашению. Замечательная коллекция литературы о шаржах, пародиях, эпиграммах (дореволюционные издания, зарубежные, наши советские и российские), картотека. Издано им четыре книги на эти темы, но написано и подготовлено намного больше. Статьи печатал в «Нижнем Новгороде», в «Вопросах литературы». Просто кладезь информации. Сам доброжелательно-общите-

лен, но по профессии химик. С таким автором надо сотрудничать. Рассказал случай. У него стоит довольно большая, долговязая кукла Никулина. Как-то ночью она ни с того ни с сего грохнулась, хотя упасть никак не должна была. На следующее утро за завтраком по радио услышал, что умер Юрий Никулин.

Пришло письмо от Ларионова. Это ответ на мое о его последней книге. Благодарит за отзыв и сообщает, что в этом году все мои очерки в «Слове» опубликует.

Собирались у меня в музее троицей (я, Цветков, Шаров) и Шестак. Шаров готов частично профинансировать сборник – у его фирмачки есть возможность.

2–3 октября. Кунавино

Наступила пора закрытия «деревенского» сезона – быстро-то как! Стоит золотая осень. Тепло. Грибная пора. Закрыв окна в доме, вылил воду из ведер. Грустно.

4 октября

Звонил Кожину. Договорились с Михаилом Ивановичем о встрече в Москве в понедельник или во вторник по поводу книги. Попросил написать биографическую справку для Академии проблем безопасности и правопорядка. Вроде бы хочет готовить документы для представления на орден. Лучше бы, конечно, помогли финансово журналу.

Опять «заседали» втроем по поводу сборника. Шаров упирается, отстаивает свой вариант текста. Нам с Цветковым пришлось понервничать, но в итоге все закончилось мирно. Назад Владимир дошел со мной до Стрелки. Какие чудные теплые вечера. Долго ли еще продержится тепло и золотая листва на деревьях? Хороший день, на сердце полегчало.

7 октября

С Ириной и Цветковым на Новосормовском кладбище у могилы старца Ивана Шорохова. Теплый солнечный день. На крышу часовенки шурша падают листья. Крепкий

деревянный крест на могиле. На душе мирно. Попросил батюшку помочь в московских делах.

8–9 октября. Москва

Уезжал в столицу с надеждой и ожиданием в сердце. Дальше отступать некуда.

С Кожиним (я приехал к нему в Университет прямо с вокзала) состоялся разговор недолгий, но конкретный. Выяснили бюджет книги, ее структуру, сроки выпуска. Подарил он мне и свою новую книгу «Поверженная держава. Записки очевидца». Все мною написанные куски в ней опубликованы – а это большой объем. Значит, не зря трудился и деньги свои отработал.

Позвонил Шемшученко и сообщил новость – Кононенко продает редакционный офис в Питере.

В Союзе писателей у Переяслова взял номера «Всерусского собора» и «Балтики» (Таллин). Записался на поездку в Ханты-Мансийск.

У Полеванова долго разговаривали, пили армянский коньяк. Владимир Павлович оказал помощь журналу «в разумных пределах» (его слова).

Пока ехал к Шестинскому, в электричке неожиданно обнаружил в «Балтике» своего «Съемщика». Эту рукопись я им высылал давно, думал, что отвергли, раз ничего не ответили.

В Переделкино сыровато, пахнет грибами. Шел медленно, в какие это века все решил в один день, без отсрочек. Успел бы и сегодня уехать назад, но билет куплен на завтра. С Олегом Николаевичем пьем чай и уходим наверх в его кабинет. С компьютера он читает мне свой новый большой рассказ – о житии (праведном) своей бабушки, у которой вера не была показной, но составляла основу, сущность ее жизненных поступков, ее мировоззрения. Хороший рассказ, но, как мне показалось, затянут. Мы долго о рассказе говорили. Я высказал свои замечания и вроде бы не обидел Олега Николаевича.

Утром в Москве прошел над рекой по новому пешеходному мосту. Замечательное

сооружение из старого железнодорожного моста. Покрыто стеклом, но можно пройти и вне стеклянного купола, через который открываются замечательные виды на Университет на Воробьевых горах, на город.

Пешком дошел до Союза (дополнительно взял журналов), в редакцию «Руси Державной», где меня в общем-то не ждали. Условия для работы отличные. Сам фонд «Андреевский флаг» занимает большие площади. И это в центре Москвы. Откуда деньги?

До Курского вокзала от Павелецкого прошел пешком. Это мой новый маршрут. В районе Садового кольца все относительно недалеко.

11 октября

На биофаке пединститута, в библиотеке (Большой зал, балкон которого со столбами выходит на площадь Минина) прошло представление книги В.Д. Смирновой (год назад умершей) об отце. Народу собралось много, хотя само действие прошло формально и скучно. Я пробыл ровно час и ушел.

Прошелся по зданию (включая подвал). Низкие сводчатые потолки, толстенные стены и такие же колонны у главных лестницы. Несколько тягостное от всего впечатление (я тут был впервые), усиленное жуткой захламленностью, обшарпанностью, неопрятностью. Какая же в таких стенах может воспитаться интеллигенция.

12 октября

Приезжала Лена Крюкова. Подарила свою новую книгу. Говорили, готовили новое интервью. Она многое записала.

Кажется, закончил заметку о книге В.К. Трошина «Мои годы – россыпь самоцветов».

15–18 октября. Москва

Столица встретила первым снегом. Им были слегка припорошены трава, крыши гаражей. У Кодина в Университете говорили о книге. Впрочем, урывками и мало. Посмотрел фотографии. Интересного крайне мало. Но набрал пачку – что-то пойдет в книгу. Ре-

шили ее сделать разделами (четыре) и в конце три тетради цветными фотографий.

Вечером, пока шел от дома Кодина до гостиницы на Соколе – вымок. Снег с дождем.

16.10 Кроме хождения по Москве успел вечером посмотреть концерт (по пригласительному билету) Кубанского казачьего хора в зале имени П.И. Чайковского на площади Маяковского. Принимали хор и танцоров восторженно.

В другие дни еще одна короткая встреча с Кодиным и запись с ним интервью. Говорил Михаил Иванович плохо, шаблонно. Но это было уже перед отъездом. Что-то исправлять времени не было.

19 октября

В «Волгагеологии» меня дожидались журналы от Андрея Реброва (с моей публикацией «Скреп русской державности» в новом литературном журнале С-Петербурга «Родная Ладога») и телеграмма от Ларионова за подписью Бондарева с приглашением приехать на писательскую встречу.

22 октября

Валентину Арсеньевичу Николаеву семьдесят лет. Собрал в Союзе писателей. Стол устроили в кабинете Жильцова. Народу набилось битком. Приехал о. Владимир Чугунов с Галиной. Всех одарил своей книгой «Русские мальчики». Спросил у меня – возьму ли? От чего же не взять. Издано хорошо, со вкусом, шестьсот страниц. Узнал, что и книжку Николаева «Тоска по мастеру» он издает. А Валентин молчал. Это на него похоже. Но меня по сердцу царпнуло. Я проявлял участие, советовал издать, печатал ее в «Вертикали», а как где-то что-то замаячило – молчок, затаился, как мышь в норе с зернышком.

С Юрием Марахтановым после застолья прощались в Кремле. Просится в журнал с рассказами (как и Климешов), обещает профинансировать.

24 октября

Все, верстка книжки «Собирая Россию» (для корректора) готов. Получилось двести

шествуется странич текста. С фотографими сложнее. Нужно согласовывать с Кодиними. Отослал ему и подготовленное интервью. Вроде бы получилось хорошо – информация самая непосредственная о Клубе.

Позвонил Фигарев. Умер Донской Михаил Иванович сегодня днем. А я уезжаю в Москву. Разговаривали по телефону с Борисом Селезевым. Он был у Донского несколько дней назад. Хоть и ожидал, а все равно неожиданно. И горько, что не позвонил ему, как хотел, в эти дни.

25–26 октября. Москва

Еду ночным поездом. За последние годы отвык от подобных условий. Поезд пришел на Казанский вокзал. От того, чтобы меня встречала машина, я отказался заранее. Спокойно прошел на Ярославский вокзал и купил билет назад. Затем пешком по бульварам прошел в «Советский писатель». У здания омовцы. Я был удивлен. Оказывается, это для охраны нашей встречи.

В Шолоховском зале заседаем четыре часа без перерыва. Юрий Васильевич Бондарев зачитал свое выступление. Следом выступили представители Чувашии, Татарстана, Санкт-Петербурга, Шестинский, Облог, Юван Шесталов, Валерий Хатюшин.

Перед этим Арсений Ларионов рассказал о скорбных делах МСПС – юридической регистрации нет и даже более того, в успехе этого он сомневается. Из 42 членов исполкома, избранных пятым съездом МСПС: умерли четыре человека; ушли к Сергею Михалкову (но официально из МСПС Бондарева не вышли) – 18 человек (среди них Ганичев, Есин, Тургай...), их членство приостановлено; избрано 14 новых членов исполкома, в том числе и я (совершенно неожиданно); избрано семь рабочих секретарей (и опять я) – заместителей Бондарева.

Юрист МСПС: Против Ларионова возбуждено – три уголовных дела. Главные задачи – регистрация документов и судебные иски о чести и достоинстве к «Литературной газете», «Литературной России», «Московскому литератору», «Губернии».

Оказывается, в канун 70-летия Ларионова (по словам Арсения Васильевича) в Архангельск пришло письмо от Валерия Ганичева и Феликса Кузнецова с предупреждением, чтобы не проводили каких-то торжеств в честь 70-летия Ларионова.

После всего прошедшего я сфотографировался с Ю.В. Бондаревым (фотограф Павел Кривцов). За столом хорошо, на перспективу, поговорили с Аршаком Тер-Маркаряном. Он приехал только что из Бостона (читал там лекции о нашей литературе) и через две недели хочет ехать опять туда же. Предложил издать свои книги в «Вертикали». Деньги, как говорит, спонсор найдет. С восторгом принял предложение стать представителем журнала в Москве.

Ночевать нас определили в гостиницу «Белград» у МИДа. В номере с Евгением Равевским из Питера. Деятелен, говорит, что он контр-адмирал (не очень верится), возобновил «Академию русской словесности и изящных искусств Г.Р. Державина».

26.10 Поезд только в 18.20. День впереди пуст. Еду к Кодину. Оставляю в кабинете подборку фотографий для книги. Что дальше? Пешком иду до ВДНХ и далее по всему проспекту Мира до Садового, к Чистым прудам и трем вокзалам. Маршрут в основном новый, но скучный! Походил по новой громаде Казанского вокзала и даже пошел в полупустых залах ожидания на верхних (новых) этажах над железнодорожными путями.

28 октября

Неожиданно приехала Женя Полянина. Я ее даже не сразу узнал. Постарела. Теперь у нее не осталось никого, кроме племянника. Брат, мать, муж, сын – все умерли или погибли. Она увидела статью к моему пятидесятилетию Саши Высоцкого в «Красном сормовиче». В разговоре узнал, что, оказывается, фотография моих прадедов, которую я помню еще по Утке, хранится у нее. Обещала передать мне. На ней прадедушка и прабабушка.

10–11 ноября. Москва

На этот раз еду на церемонию вручения «Хрустальной розы...» и повидаться с Лукиным. Борис после операции вышел из больницы.

От метро «Речной вокзал» дошел пешком. В квартире увидел Бориса – вроде бы не изменился, только немного постарел, что ли. Оказывается, похудел на восемнадцать килограммов.

В китайском ресторане «Дженка» (в здании МХАТа им. М. Горького) у нас оказался удачный столик – самый дальний. Так что церемония нам не мешала, и даже не могу сказать, кого там у входа награждали. Кроме меня и Лукиных, за столом оказались Шемшученко, Алла Большакова (филолог) и А.А. Макаров (директор НИИХИММАШ – двигатели для ракет) с семьей. Еще Святослав Гуляев (художник) с матерью. О журнале поговорил с Богородицкой. В конце вечера с Ножкиным. Весь вечер ели, пили. Ночевать отправился к Лукиным. А на утро Галина мне рассказала, что у Бориса операция вроде бы прошла успешно.

На Курском вокзале в ожидании поезда читаю книгу Олега Куваева «Два цвета земли между двух океанов» и поглядываю на табло. Но посадку не объявляют, и я забеспокоился. Несколько раз смотрел на табло, в билет. И тут только заметил, что поезд уходит с Казанского вокзала. Сердце оборвалось – опоздал! Но сам себе скомандовал – «Быстро!!!». До отправления осталось пятнадцать минут. Бросился в метро. Бегом по переходам под площадью трех вокзалов. Успел!

12 ноября

Случайно встретился с Климешовым в Союзе (я заходил в издательство «Дятловы горы»). Пошли ко мне, захватив картину из кабинета Жильцова, давно им мне отданную. Работа Дмитрия Дмитриевича Арсенина. Затем и к Павлу проехали. Посмотреть его работы и других художников. Натюрморты Беззубова из Мурома – замечательны. Картины Владимира Дубова интересны, но

есть в них что-то примитивное. Хотя, конечно, художник. Впрочем, как в квартире можно смотреть живопись. Потом шли вдоль проспекта Гагарина, хорошо говорили. Все-таки великий, хотя и нелегкий дар творчества выпал нам по жизни. О величине этого дара – разговор другой.

13 ноября

Пришло письмо с правкой статьи от С.И. Шуртакова. Статья моя о нем и правку он сделал по моей просьбе. Впрочем, очень щадящую и точную. В письме попросил его позвонить, что я и сделал с удовольствием. Обсудили предстоящее юбилейное торжество Семена Ивановича. (Планируется в Сергаче и Нижнем Новгороде). Попросил его добавить в статью о Распутине и прошлых семинарах.

Звонил Олегу Николаевичу. Он все беспокоится о премии им. Андрея Платонова. Советует мне переговорить с Крупиним. Может, и правда позвонить Владимиру Николаевичу? Сам Шестинский чувствует себя плохо, болеет, слабнет. От этого на сердце у меня тревожно. Не дай Бог, не дай Бог...

Вроде бы что-то тронулось в городском департаменте культуры относительно моей книги. Звонили оттуда. Хотя сумма-то ничтожна. Но пусть хоть эта.

15 ноября

Позвонил Кожину по оплате книги. Вроде бы все решили. Михаил Иванович предложил приехать в Москву на заседание Клуба Н.И. Рыжкова, а перед этим все «утрясти» с фотографиями для «Собирая Россию».

В издательстве долго мудрили с обложкой. Хорошими советами помог Валерий Шамшурин. После подарил свою книжку воспоминаний. Я дал понять, что на сердце у меня беспокойно от того, что написал о нем в воспоминаниях об Адрианове. В ответе Валерия Анатольевича догадался, что его это тоже тяготит. Мое признание все-таки прозвучало хоть и скрытым, но извинением перед ним. Собственно, в этой же «теме» и публикации

Валерия в «Вертикали», и введение его в редакционный совет.

20–22 ноября. Москва

Кодин забраковал почти все отобранные мною для книги фотографии. Все придется переделывать заново. На этот раз отбирали вместе – встречались два раза. Попросил убрать мое авторство с обложки и титула. Я согласился. Но в выходных данных свое авторство оставил. А обложка – это непринципиально.

Вечером встретились с Борисом на Тверской у памятника Пушкину. Холодно, промозгло – время для прогулки малоподходящее. Потому зашли в знакомое кафе у театра Маяковского, выпили по сто граммов водки. Уже оттуда прошли до музея Пушкина на Пречистенке, где проходил вечер к 75-летию Василия Белова. Замечательный, удобный зал (внутренний дворик) покрыт стеклянной крышей. Вологжане постарались – сделали хорошую музыкально-поэтическую литературную композицию. Показали видеofilm-интервью о Белове. Василий Иванович стар и (да простит он мне эти слова) где-то даже жалок. Но зато я впервые увидел Тимониуху, его дом, восстановленную им церковь.

Хорошо, что вечер был избавлен (почти) от официальных поздравлений. Подарили всем гостям новую книгу (со старыми рассказами) Василия Ивановича, угощали вином и шампанским (без всякой закуски). Произошла тусовка, во время которой многих по-видал, а с Шуртаковым еще и договорились назавтра встретиться.

21.11 Утром (раньше Кодина) приехал в университет. Опять фотографии. После у Ларионова. Взял журналы со своей публикацией и фотографии с заседания исполкома. За обедом вспомнили Белова. Добрых слов у Ларионова не нашлось и для него. Называл его Арсений «деревенским хитрецом». Позвонил я Шестинскому. Пообещал завтра заехать. В Союзе на Комсомольском проспекте встретились с Шуртаковым. Вообще-то разговаривать с Семеном Ивановичем

собственно из-за его полного погружения в собственное «Я». Более для него нет ничего важнее и значимее. Читал мне письмо Распутина – отклик на статью Шуртакова о книге бесед Валентина Григорьевича с Кожемяко. Подарил книгу детских рассказов. Здесь я ему сказал (с трудом вставив в разговор, но получилось к месту), что мой детский рассказ напечатан в газете «Московский железнодорожник» на конкурсе им. Платонова. Шуртаков на это сообщение прореагировал вяло. Но, во всяком случае, я это сказал.

В гостинице «Даниловская» Клуб. Выступает журналист и ведущий программы «Постскрипту» Алексей Пушкив. Дал интересный расклад российско-американским и российско-европейским отношениям. Хотя вроде бы ничего нового – все хотят нас ограбить, при этом, конечно же, не считаясь ни с какими нашими интересами. Все многочисленные уступки (военные, экономические, политические), совершенные Россией в одностороннем порядке, остались безответными и неоплаченными. Теперь вроде бы Путин начинает противостояние.

Записи этой беседы я не вел (хотя жалею, что не взял диктофона), ибо теперь в «Вертикали» буду давать материалы о Клубе Н.И. Рыжкова дозировано, скупо. Нужно серьезно пересматривать концепцию издания. Кстати – подарил «В-19» Михаилу Леонидовичу Титаренко. Интересно, как он отреагирует.

22. 11. Встал в 6.30. Оперативно собрался и отправился на Киевский вокзал. На два часа успел съездить в Переделкино к Шестинскому. Там как-то морознее, свежее. Солнце, небо синее, дышится хорошо. Говорил с Олегом Николаевичем о премии (по его инициативе и обеспокоенности) и его творчестве. Подготовлено у него две новые книги – стихов и прозы. Думает о предстоящем 80-летию. Кстати, обронил Олег Николаевич и такую фразу: «Эта премия под эгидой Союза писателей России» (Это к тому, что Ларионов меня подставил, без моего согласия выдвинув и избрав в ничего не значащий и не решающий исполком. А вот Союз на

Комсомольском это разозлит.) С Шолоховской проще, там все решают Бондарев и Ларионов, там все в порядке. Сказано было вскользь, что значит, какой-то разговор был. Впрочем, Ларионов так часто не выдерживает своих обещаний.

Вообще – я не пекусь о премиях (хотя, для престижа «Вертикали» они, наверное, нужны), просто так получилось, что в эту поездку о них были разговоры.

Ну что же, на этот раз план работы в столице я выполнил. Даже с Аршаком на вечере Белова переговорил (правда, безрезультатно). Он оказался, пусть и добрым малым, но в своих словах необязательным. Потому уезжал в настроении радостном, приподнятом.

23 ноября

Окончательно вывели, и я подписал верстку книги «Собирая Россию». Корректурa в 73 страницах. Но теперь уже все сроки упущены безвозвратно. Трудный разговор с Игорем. Я готов уже был совсем отказаться от публикации книги – столь невыгодные условия он выдвинул. Пришлось потрепать нервы. Думаю, это наше последнее сотрудничество. «Жадность фраера сгубила».

24 ноября

Макетирование блока фотографий. Опять все делаю сам – расставляю фотографии, обрезаю и так далее. Ушло на это нервных полдня – плачу деньги и сам же работаю. И он еще хотел меня ободрать, как липку. Хотя и так получается недешево.

С Шестаком и Цветковым идем ко мне в кабинет. Приходит Шаров. Все как всегда – разговоры, споры. Я снимаю напряжение прошедшей недели. Сергей рассказал, как смотрел по поисковику в интернете информацию о «Вертикали». По названию журнала – ничего нет. «Набрал «Валерий Сдобняков. Вертикаль. XXI век» – высветилось миллион ссылок».

26 ноября

Внесена последняя корректурa. Ушел в производство текстовый блок книги к юби-

лею «Московского интеллектуально-делового клуба (Клуб Н.И. Рыжкова)».

29 ноября

Подписал для печати блок цветных фотографий. Времени для публикации книги – в обрез. На сердце от этого неспокойно. Успеют ли? Будет ли должное качество? А ведь еще тираж нужно будет успеть отвезти в Москву. Насчет поездки предварительно переговорил с Шестаком. Пока не отказался, но и твердо не пообещал.

Позвонил о. Владимир Чугунов. Я его сразу и не узнал. Разговаривали больше часа. Он опять начал писать. Хочет уйти за штат по здоровью. В епархии творится что-то невероятное. К владыке не пробиться – все вопросы решаются его окружением (а оно жестоко и сребролюбиво). Епархиальное управление превратилось в машину по выколачиванию из приходов денег. Священников без объяснений снимают с приходов и закидывают в глухие села, а то и в «запрет». До духовных ли тут вопросов. Все это слушать и горько, и жутко. Купола крыты золотом, в храмах все блестит, полы мраморные, а служить уже некому. В городские церкви приезжают служить сельские священники. Иначе, хоть двери закрывай. В семинарии недобор. Такая обстановка.

Отнес в городскую библиотеку два номера журнала «Слово» № 5 (2007 год) с моими очерками о «Волге» и «Ветлуге», а Ларионову отослал рассказы «На острове» и «Съемщик».

6 декабря

С таким трудом начал писать очерк о Заногге и Пурихове (никак не удавалось нащупать начало, найти первую ноту), но пришел Валентин Николаев, затем Шаров, и все обвалилось. Николаев считал, что журнал «загнулся», пришел забрать рукописи – «Чтобы не потерялись». Отдал их сразу и с облегчением. Сам это давно хотел сделать. Но к подобным (предательским) фокусам Арсеньевича никак не могу привыкнуть! Знаю его тридцать лет. За эти годы он ни разу никому

не помог. Завистлив к чужому успеху. Но вот свела нас судьба, и как быть!..

Домой звонил Чугунов. Голос уже бодрее, увереннее, не в пример первому звонку. Спрашивал, как зарегистрировать свой альманах. «Вертикаль», видно, покоя не дает. Предложил ему для продажи свои книги и журналы. Все-таки расширение читающей аудитории.

9 декабря

Пусть сегодня и воскресенье, но собрались у меня в кабинете по поводу книги совместно с Цветковым и Шаровым. Кажется, вопрос финансирования тронулся с места. Нужно заканчивать с версткой. Настроение у всех троих мирное. За время совместной работы все-таки притерлись.

По факсу отослал свой рассказ Виктору Карпенко для сборника Литфонда. Вроде бы не очень мне это все и важно. Но раз предлагают...

11 декабря

Вчера узнал, что Коломиец в Москву не едет, и значит, книги для Клуба я должен доставить в столицу сам. Ладно, что Шестак не отказался. Вчера же новость от Шарова – администрация Советского района забраковала в подготовленной книге тексты Цветкова. Я тут же сказал, что в таком случае тоже отказываюсь от публикации. «А они и ваши забраковали», – радостно сообщил Шаров. Будут печатать (проплачивать) только воспоминания Павла Павловича.

Ирина в это время была у меня в кабинете (заехала попить чаю), и была поражена этим предательством Шарова общего дела. Мне тоже от этого противно. В очередной раз удостоверяюсь – как обыватель продает любое благое дело «за понюшку табака».

Мою кандидатуру, выдвинутую на премию Платонова, комиссия не поддержала. Я это предчувствовал, но все равно неприятно. Деталей не знаю. Новость сообщила Нина Николаевна. Олег Николаевич после поездки в Москву, «расстроенный лег спать».

Кругу о Клубе вроде бы уже собирают и к сроку должны успеть. Хотя блок с фотографиями печатали на принтере только вчера. Сама типография на станке качество запорола.

12 декабря

Шестинский рассказал, как проходило голосование по моей кандидатуре на премию Андрея Платонова. Он подготовил серьезную речь, все обосновал. Но, как оказалось, по его словам, «Метал бисер перед свиньями». Явно, кандидатура уже была выбрана другая. (Кем? Ганичевым?) и Владимир Крупин ее назвал, а Семен Шуртаков и Владимир Костров молча проголосовали.

Олег Николаевич разнервничался, переживает случившееся. Я, как мог, успокаивал.

В кинотеатре «Рекорд» вечер памяти схимонахини Марии (матушки Макарии). Проводит Мария Сухорукова (она же подарила мне свою толстенную книгу стихов и кассету со стихами) и Ирина Высоцкая. Все – сухо, формально и малодушевно.

Вечером звонок о. Владимира Чугунова. Книги и журналы он забрал, но вот в пачках пока все на месте. Оказывается, одна его машина, занимающаяся реализацией книг, доезжает аж до Читы! Опять почти часовой разговор обо всем – литературе, его планам...

13 декабря

Забрал книги в типографии. Листы с фотографиями в них покорежены. И что мне говорить заказчику? А времени исправлять уже нет. Звонил в Питер. В бывшем помещении редакции «Всерусского собора» уже сидят другие люди. С Кодиным договорились встретиться завтра утром у П.И. Кононенко.

14–16 декабря. Москва

Около часа ночи выезжаем с Сергеем в Москву. Дорога трудная, видимость плохая, но путь преодолеваем по графику и без происшествий. В десятом часу в гостиницу «Мотор Сич» приезжает Кодин. Все вопросы по

тиражу решаются положительно. Вздыхая с облегчением. Михаил Иванович жутко раздражен, ругает Володю Шемшученко, Юрия Голубицкого (премию Александра Невского получил, вместо того, чтобы ее дать Кожину), просит меня передать Владимиру, что выходит из редсовета «Всерусского собора», а сотрудничать будет только с «Вертикалью». И еще много подобного было сказано, чему я не очень-то придавал значение. Все пройдет, забудется. К тому же Шемшученко найдет способ помириться (что и произошло на следующий день во время юбилейного вечера). Остаток дня после бессонной ночи с Серёгой бродили по московским бульварам.

Еду на ужин. Здание Президиума академии наук просто потрясает своими масштабами. У входа повстречался с академиком Абалкиным и уже вместе с ним поднялся на третий этаж в ресторан «Летний сад».

Отдыхать в Клубе не умеют. Весь вечер нудно и долго награждали общественными орденами. Так что самое яркое впечатление – это от интерьера зала. Внутренний дворик в пять этажей в высоту закрыт мощным стеклянным куполом. Внутри зелень, пальмы. Удобно, вокруг сцены расположены столики.

Моя книга «Собирая Россию» выставлена на столе перед рестораном. Взял для себя две штуки. Подумал – все равно останутся экземпляры, заберу после ресторана сколько нужно. Но когда вышли после торжества – ни одного экземпляра не осталось. Все разобрали – подчистую.

С Кожиним только поздоровался. Ушел не прощаясь.

17 декабря

С утра готовлю к отправке по почте книги. Приехавший ко мне в музей Саша Пашков сообщил, что умер Проимин. Я с Константином Даниловичем виделся в последний раз 12 декабря в киноцентре «Рекорд». После вечера распрощались на перекрестке. Я пошел по Алексеевской в сторону площади Мина, он в сторону Варварки. Оказалось, что распрощались навсегда. Завтра похороны.

Закончил с Игорем все расчеты по этому году. В себе ощущаю некоторое опустошение. К сожалению, за 2007 год не написал ни одной большой вещи, да и вообще творчески поработал слишком мало.

18 декабря

Похоронили Константина Даниловича. Всем руководила военная команда. Великое облегчение родственникам. Кладбище – бывшее поле ближе к Кстову. Уже полностью занято. Жутко даже.

Все говорили хорошо и искренне. Покойный того заслужил. Узнал, как пришла к нему смерть. В воскресенье принял душ, оделся во все чистое и сел в кресло к телевизору. Пришли внучки и подумали, что он спит. И только приглядевшись поняли – не дышит.

Больно было смотреть на Половинкина. Смерть Проимина, ближайшего друга (да и по возрасту они близки) его потрясла. Видно было, как все произошедшее Владимира Васильевича чисто по-человечески напугало. Иван Кириллович Кузьмичев, напротив, был духовно крепок. Еще ко мне подошел, поблагодарил за журнал и посочувствовал – не последний ли выпуск?

22 декабря

В мастерской у Заного смотрели новые этюды, сделанные во время походов на яхтах по Волге и Каме. Видеофильм о перегоне яхты-катамарана из Набережных Челнов в Нижний Новгород. Записали для меня диск с репродукциями его картин и много о чем переговорили. Я сделал некоторые записи для себя, чтобы написать о Владимире статью. Вот уже не первый год пытаюсь это сделать – но как заклинило. Топчусь на месте.

25 декабря

В Литературном музее А.М. Горького расширенный ученый совет. Поначалу Т.А. Рыжова немного рассказала о прошедшем годе (они из федеральной собственности ушли в областную, и это для музея хорошо),

затем небольшая экскурсия и концерт квартета камерного оркестра «Солисты Нижнего Новгорода». Думаю, все пришедшие исполнением музыки остались довольны. За фуршетом чувствовалось настроение приподнятое, говорливое. Вообще, этому музею удалось сохранить в своих стенах ощущение камерности, не суетливости. Подобных мест в городе мало.

29 декабря

Спонтанно собрались у меня в музее. С Анатолием Пафнутьевым только договаривались заранее. Виктор Пурихов и Владимир Цветков пришли поздравить сами. Еще и дожидались меня в фойе около часа. Затем и Павел Шаров прибежал – будто ничего и не

было, никакого предательства. А Коломиец всех нас пригласил к себе. Но Пафнутьев с Виктором отказались, немного погодя ушли. Мы же вчетвером хорошо посидели. Мне полегчало на сердце, что смягчил я свое отношение к Павлу Павловичу. Вроде бы как простил его... Только не совсем, не до конца... Но это уже мое, он этого не знает. Пусть в Новый год идет с легкой душой...

31 декабря

Впервые в новогоднюю ночь вдвоем с Ириной. Мне хорошо и покойно. Давно так не чувствовал себя в этот праздник. Накрыли маленький столик с закусками – икра, форель, мясо, овощи, фрукты. Пили шампанское. Хорошо!